

**ПРОБЛЕМА КОНСТРУКТИВНОСТИ
НАУЧНОГО И ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

КУРСК

2006

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПРОБЛЕМА КОНСТРУКТИВНОСТИ НАУЧНОГО
И ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

КУРСК

2006

ББК 87.3

П 78

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Курского государственного университета

П 78

Проблема конструктивности научного и философского знания:

Сборник статей: Выпуск седьмой/ Предисловие В. Т. Мануйлова. –
Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 122 с.

ISSN 0131–5048

Седьмой выпуск сборника статей включает результаты научных исследований, объединенных общей темой исследования: «Проблема конструктивности научного и философского знания». Сборник содержит работы учёных Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Белорусского государственного университета, Белорусского государственного экономического университета, Белорусского национального технического университета, Курского государственного университета. Сборник рекомендуется специалистам по философии и методологии науки, истории науки и философии; материалы сборника могут быть использованы преподавателями, аспирантами и студентами вузов при изучении проблем истории, философии и методологии науки.

ББК 87.3

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В. Т. Мануйлов – кандидат философских наук, *ответственный редактор*

Е. И. Арепьев – доктор философских наук

В. А. Еровенко – доктор физико-математических наук

А. Н. Кочергин – доктор философских наук

А. В. Кузнецов – кандидат философских наук

В. В. Мороз – доктор философских наук

Я.С. Яскевич – доктор философских наук

ISSN 0131–5048

© Коллектив авторов, 2006.

© Курский государственный университет, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Предисловие</i>	5
Ильин В. В. «Демократия или диктатура: старое или новое начало? (О конструктивности социального выбора в России)	9
Мануйлов В. Т. Конструктивность математического и философского знания в аналитической и конструктивной «теории науки»	63
Мороз В. В. Конструктивные тенденции в истории философии: философско-математический синтез в учении Николая Кузанского	71
Старжинский В. П., Спектор А. А. Конструктивная методология как рефлексивная система	83
Яскевич Я. С. Конструктивизм междисциплинарных стратегий в современной науке: биоэтика и национальные этические комитеты	101
<i>Авторская справка</i>	119
<i>ABSTRACTS</i>	121

Периодический тематический сборник «Проблема конструктивности научного и философского знания» выходит в издательстве Курского государственного университета с 2001 года. До настоящего времени вышли в свет шесть выпусков: в 2001, 2003, 2004, 2005 и 2006 годах. Основу сборника составляют материалы исследований, проводимых научной творческой группой сотрудников кафедры философии КГУ в рамках исследовательских проектов, выигравших гранты: Министерства общего и профессионального образования РФ (Проект № 6: «Концепции конструктивности математического знания в основных направлениях философии науки на пороге XXI века», 1997–2000 гг.), РФФИ (Проект 01–06–80278: «Конструктивность физико–математического знания в историко–философском аспекте», 2001–2003 гг.) и совместного гранта РГНФ–БРФФИ (Проект 05–03–90 300 а/Б: «Конструктивность и диалог в основаниях физико–математического знания: история и современность», 2005–2007 гг.). Печатаются в выпусках сборника и материалы ученых МГУ им. М. В. Ломоносова, других вузов Москвы и Курска. В седьмом выпуске опубликованы материалы исследований, проводимых сотрудниками кафедры философии КГУ, кафедры философии ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова, учеными Белорусского государственного университета, Белорусского государственного экономического университета и Белорусского национального технического университета. По результатам исследований, опубликованным в предшествующих выпусках и в данном выпуске, защищено три кандидатские и две докторские диссертации.

Редакционная коллегия сборника приглашает к сотрудничеству всех работающих в области философии и методологии науки или в смежных областях, чьи научные интересы пересекаются с проблемой нашего сборника.

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателей седьмой выпуск тематического сборника статей продолжает публикацию результатов исследований, объединённых общей темой «Проблема конструктивности научного и философского знания» и направленных на решение фундаментальной научной проблемы на стыке истории философии, философии и методологии науки, связанной с проведением комплексных теоретических исследований взаимосвязи собственно физико-математических, общенаучных и общеполитических методов и подходов в истории европейской науки и философии. Первый выпуск сборника вышел в 2001 году¹; второй выпуск – в 2003 году²; третий – в 2004 году³, четвёртый – в 2005 году⁴, пятый – в 2005 году⁵, шестой – в 2006 году⁶.

¹ Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Выпуск первый/ Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2001. – 115 с.

² Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Выпуск второй/ Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. – 133 с.

³ Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Выпуск третий/ Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. – 124 с.

⁴ Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Выпуск четвёртый/ Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – 124 с.

⁵ Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Выпуск пятый/ Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – 113 с.

⁶ Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Выпуск шестой/ Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 120 с.

Основное содержание сборника составляют результаты исследований руководителей и исполнителей совместного российско-белорусского научно-исследовательского проекта, получившего поддержку Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект №05-03-90300 а/Б) и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ, проект № Г05Р-015).

Материалы, представленные в данном сборнике, содержат анализ различных аспектов проблемы конструктивности в современном научном и философском знании: от проблем обоснования математического знания до проблемы конструктивности социально-философского знания.

В дискуссионной статье В.В. Ильина «Демократия или диктатура: старое или новое начало? О конструктивности социального выбора в России)» на основе анализа различных концепций социального выбора, предлагаемых мыслителями в критические периоды истории России, ставится проблема выработки конструктивной стратегии стабильного развития современного российского общества.

В статье В. Т. Мануйлова «Конструктивность математического и философского знания в аналитической и конструктивной «теории науки»» продолжено изложение результатов исследования основных идей «немецкого конструктивизма», начатое в статьях четвертого и пятого выпусков данного сборника. Исследуется взаимоотношение аналитической и конструктивной традиций в философии науки на примере немецкой «теории науки» (Wissenschaftstheorie). Выявляется роль диалога в развитии научного, в частности, математического, и философского знания; устанавливаются виды диалогов в различных областях научного и философского знания.

Статья В. В. Мороз «Конструктивные тенденции в истории философии: философско-математический синтез в учении Николая Кузанского» посвящена реконструкции версии философско-математического синтеза в учении Николая Кузанского, реализуемой во введении в рассуждение философско-теологического характера дополнительного математического плана, параллельного плану метафизи-

ческому и выступающего в роли разъясняющей, «наглядной» модели для этого рассуждения. Используемые при этом математические конструкции служат специфической моделью, позволяющей «схватить» в созерцании принципиально не созерцаемый предмет рассуждения (например, бесконечный мир) в виде математического образа. В статье делается вывод, что вариант философско-математического синтеза Николая Кузанского представляет особый способ рассуждения, в котором элементы математического знания участвуют в раскрытии вопросов философского характера, тем самым способствуя прояснению этих вопросов и их творческому усвоению.

В статье В. П. Старжинского и А. А. Спектора «Конструктивная методология как рефлексивная система» рассматриваются проблемы современной методологии на основе конструктивной парадигмы, полагающий процесс познания как один из способов освоения и преобразования мира. Различаются когнитивная и конструктивная методология. Методология понимается как система с рефлексией. Предмет рефлексии — человеческая деятельность в контексте философской и научной поддержки. Методологическая рефлексия осуществляется над основаниями науки, формируя их и, в то же время, опираясь на них. Рефлексия над различными компонентами методологии объединяет их в единую систему и способствует дальнейшему формированию структуры и развитию ее функций.

В статье Я.С. Яскевич «Конструктивизм междисциплинарных стратегий в современной науке: биоэтика и национальные этические комитеты» рассматривается статус и динамика биоэтики как междисциплинарного направления, академической дисциплины и социального института, раскрывается специфика «западной» и «отечественной» модели биоэтики, выявляются этические и правовые механизмы формирования биоэтики и Национального комитета по биоэтике в Республике Беларусь.

Примечания к статьям сборника сделаны постранично. Библиография в конце статей. Статьи снабжены резюме, помещенными в начале каждой статьи.

Все статьи сборника помещены в авторской редакции и выражают точки зрения, не обязательно разделяемые редколлегией сборника.

Сборник может быть полезен специалистам по философии и методологии науки, истории науки и философии; он может быть использован преподавателями, аспирантами и студентами вузов при изучении проблем истории, философии и методологии науки.

В.Т. Мануйлов – ответственный редактор

В.В.Ильин

(Москва)

**ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ДИКТАТУРА: СТАРОЕ ИЛИ НОВОЕ
НАЧАЛО?
(О КОНСТРУКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА В РОС-
СИИ)**

Резюме

На основе анализа различных концепций социального выбора, предлагаемых мыслителями в критические периоды истории России, ставится проблема выработки конструктивной стратегии стабильного развития современного российского общества.

В решении проблемы социального выбора чем связан исследователь, кроме собственного воображения? По опыту рефлексии развилочной точки, когда после октябрьского переворота, обострившего сюжет грядущего общественной организации, ряд деятелей отечественной культуры без надлежащих возможностей оценки и сопоставления высказался за диктатуру, – кажется, ничем. Отрешительные импульсы интеллектуальных сосредоточений, склонность к умозрительным упрочениям ориентировали на сомнительные координаты зависимости и послушничества. Здравый смысл, нравственные чувства отступают при обозрении питавших деструкцию комбинаций П. Флоренского и И. Ильина, выставлявших довод в пользу гражданской автократии. Если бы не драматичность судеб фигурантов, возник бы искус упрека в предвзятой, угодливой апологетике.

Шиллер платформу санирующих обновлений связывал с эстетическим воспитанием; веховцы – с духовным преображением; Флоренский, Ильин – с дремучей формой самовластья.

Упование первого: «На созидание нового строя, долженствующего открыть новый период истории и соответствующую ему культуру, есть одно право – сила гения, сила творить этот строй... И как бы ни назывался подобный творец культуры диктатором, правителем, императором ... мы будем считать его истинным самодержцем (! – В.И.) и подчиняться ему...»¹

Упование второго: диктат, помогающий «сверху выделить свои подлинно лучшие силы» и воспитывать «народ к трезвлению, к свободной лояльности»².

¹ Литературная учеба. 1991. №3.– С.98.

² Ильин И. О грядущей России. –Джорданвилл, 1991.– С.147.

Здесь все – неясность и утопия. Начиная от полномочий власти насильственно (!) творить и кончая полномочиями народа вдохновляться воспитанием к «трезвлению», «свободной лояльности». Что такое самодержец в креативном амплуа выделения своих «подлинно лучших сил», мы знаем. Знаем по фактически сбывшимся воплощениям угрюм-бурчеевских нивеллирующих коммунистической школы, даровавшим народу право несокрушимой реальности «быть твердым в бедствиях».

Ни Флоренский, ни Ильин, естественно, не тщились снабжать теорию набором ложных истин. Культурологически, макросоциологически они лишь фиксировали опорную точку традиционной идейной линии, просматривающей очертания будущего в абрисах самовластья.

В державной динамике России, конечно, многое случайно, двусмысленно, спонтанно, между тем устойчив лейтмотив «демократия – средство, а не цель»; «процветание нации – процветание власти». Характерное резюме данного кредо – формула «отечественное управление – отеческое». Вспомним Чаадаева: «Русский народ ничего другого никогда и не способен усматривать во власти, кроме родительского авторитета, применяемого с большей или меньшей суровостью»³.

Общее заключение таково: перед нами патерналистский план жесткого регулирования жизни государством сверху, выдаваемый за исконное своеобразие, национальную самобытность. В плоскости соприкосновения государственной и жизнеустроительной тенденции, однако, исходного согласия нет. Суть в том, что, как точно подметил Бердяев, рок усиления государства есть рок усиления демонического в нем начала. Моменты проявления последнего отмечены печатью неизбежности:

– одно – бюрократизм: слой государственных лиц пользуется и распоряжается государством как своей частной собственностью⁴;

– другое – коррупция: государство, связывая волю и мысль народа, развязывает продажность управленческой элиты, потворствует делению не ответственности, а вознаграждений;

– третье – волюнтаризм: поскольку этакратический социум есть социум дефектной, как минимум, запоздалой демократии, в нем недостаток сдержек и противовесов, избыток импульсивных, нелегитимных постановок и решений общественных задач.

³ Чаадаев П.Я. Соч. – М., 1989. – С.201.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.1. –С.272.

Если держаться того, что рычагами регулирования жизни выступают иерархия и капитал, то перспектива эффективной реализации этих рычагов при этатизме призрачна.

Государственная табулатура деформирует как иерархию, так и капитал, обрекая на нецелевое использование ресурсов действия. Социальность утрачивает гарантийность; круг обязательств в ней становится неопределен, взаимное непонимание, отчуждение в оперативных контурах «власть – народ», «жизнеобеспечение – развитие» оказывается общим местом. Этатизм, следовательно, задает иезуитское русло общественного движения, где значимость достижения (гражданский, хозяйственный, экзистенциальный отсеки) неуклонно падает.

Так как, отправляя власть, добиться государствоответственности?

Механизм державного обустройства власти в стихийном социальном эпигенезе складывался исподволь, постепенно. Исходной его формой оказывалась модель программируемого общества – диктатуры.

Первая веха – система вассально-зависимых отношений, выстраиваемая на сети пребенд, земельных и иных пожалований, во служение. Такого рода система – универсальная форма, в которую отливался общественный склад средневеково-феодальной социальности. В Европе структурно-функциональными проводниками администрирования выступали: сеньория (манор, вотчина) – миниатюрное государство, наследуемое, продаваемое, завещаемое поместное владение полной собственности; феодал (лен – Германия), (фьеф – Франция), (фи – Англия) – наследственное земельное владение, жалуемое сеньором вассалу на условии служения; бенефиций (харистикий – Византия), (поместье – Россия) – условное земельное владение, предоставляемое в пожизненное пользование за несение служения (не подлежало продаже, обмену, наследованию до Уложения о службе 1556 г., сближавшего его с вотчиной, Указа 1714г. и закона 17 марта 1731г., приравнявших и окончательно смешавших поместье и вотчинное родовое имение).

Феодал-землевладелец собирал налоги, вершил суд, отправлял полицейскую власть, – был «государем на селе». Феодалы с «коронами» чеканили монету, законодательствовали, вели войны. Более мелкие землевладельцы находились в зависимости от более крупных – являлись вассалами, служили. Так складывалась феодально-управленческая властно-административная иерархия вплоть до монарха.

У арабов земля – собственность халифов; отношений наследования наделов здесь не развилось. Земля вельмож после кончины поступала в казну. Халиф решал, передавать наделы (имущество) наследникам или нет. Правды ради надо сказать: в Багдадском халифате наблюдались «изъятия» из этого правила. Разумеются икта – земельные наделы за воинскую службу (западноевропейские бенефиции); мульки – пожалования, переходящие в наследственные владения; хассы – привилегированные земли, освобожденные от уплаты налогов в казну.

Срок несения военной службы в Европе варьировался, но равнялся примерно 40 дням в году. Гражданские службы предполагали неперенное участие в суде сеньора, пребывание при дворе. В России в половине XVI в. «была точно определена самая мера службы с земли, т.е. тяжесть ратной повинности, падавшей на служилого человека по его земле. По закону 20 сентября 1555г. с каждых 100 четей доброй, угожей пашни в поле, т.е. со 150 десятин доброй пахотной земли, должен был являться в поход один ратник «на коне и в доспехе полном», а в дальний поход – с двумя конями. Землевладельцы, у которых было больше 100 четвертей пашни в поместьях и вотчинах, выводили с собой в поход или выставляли, если не шли сами, соразмерное пашне количество вооруженных дворовых людей»⁵.

Итак, в мировой практике служилый слой обеспечивался пожалованиями в виде приносивших доход земельных наделов (окладов), с которых уплачивался налог (пошлина, рельеф). Вотчинные и поместные оклады играли роль основного источника вознаграждения за службу. В качестве неосновных средств материального поощрения индивидуального вклада служилых лиц в общее дело практиковались дачи – приближенные к месту несения службы земельные наделы. Размер дачи зависел от размера основного надела и срока службы, – дачи обратно пропорциональны вотчинам: чем больше вотчина, тем меньше дача⁶. К окладу и даче делались придачи по продолжительности и исправности службы.

Лица высших чинов (бояре, окольные, думные дворяне) получали наделы от 800 до 2000 четвертей (1200-3000 десятин). Стольники и дворяне московские от 500 до 1000 четвертей (750-1500 десятин). Провинциальные дворяне в зависимости от чинов, продолжительности службы, условий проживания от 100 до 400 четвертей.

⁵ Ключевский В.О. Соч. в 9 тт. – Т. II. – М., 1988. – С. 209-210.

⁶ Там же.

Основное противоречие рассматриваемого периода удельных времен – диссонанс самовластного хозяйничанья на пожалованной отеческой земле и носительства отечественной державности. Ни земля платящая (вотчина), ни земля служащая (поместье), ни их сращение в службовладельческой земле (после перемены в вотчинном землевладении) разрешения этого противоречия не несли.

Вторая веха – сращение государственных ролей и мздоимства – вычурная система кормлений, выстраивающая порядок общественных отношений в зависимости от повинностей населения.

Разверстка служебного и податного тягла производилась в соответствии с правами и обязанностями по принципу руководства обществом как подворьем. Напомним, что «население удела для князя – не общество, не союз подданных для достижения известных целей общего блага и общественного порядка», а сугубо орудие «хозяйственной эксплуатации княжества»⁷. Импликации этого многообразны и многозначительны.

(1) Удельный порядок оформляется как машина эксплуатации: «правительственные действия, имеющие целью охрану права и общественного благосостояния, поддержание законного порядка, как-то: суд, полиция, даже частью самое законодательство, рассматривались как доходные статьи княжеского хозяйства, были сопряжены с известными сборами в пользу правительства и его агентов; так произошли все те пошлины судебные, торговые, свадебные и другие, какие поступали в княжескую казну или на содержание отдельных управителей удельного времени»⁸.

(2) Удельная администрация кормится за счет поборов населения. Тайная суть и явный смысл удельного управления – извлечение дохода из разных и всех ресурсов – земель, угодий, нужд.

(3) Учитывая трехзвенное деление земель на дворцовые, боярские и церковные, тяглые и черные, становится эшелонированная структура управления. При дворце сосредоточивается система центральных ведомств, курируемых введенными боярами и вольными слугами, – ведомства дворецкого (компетенция: дворцовые земли, слуги); конюшого (компетенция: дворцовые лошади, конюхи, луга); сокольничего (компетенция: птичья охота); ловчего (компетенция: охота); столь-

⁷ Там же. – С.311.

⁸ Там же.

ничего (компетенция: рыбная ловля); чашничего (компетенция: бортничество). На землях, не приписанных к княжеским (частновладельческим, черным), создается система местного управления со специфическими субъектами-наместниками, волостелями. Княжества делились на уезды, включавшие города и сельские общества (волости, станы – ближайшие к городу пригородные сельские зоны). Наместники правили городами и подгородными станами, волостели – волостями.

Согласно (2) сверхцель удельного областничества состояла в получении кормов, пошлин от населения округов. Все мыслимые и немыслимые проявления администрации и ее подручных (тиунов, доводчиков, праветчиков) – не государственных чиновников, а дворцовых людей, холопов, наместников и волостелей, – сопряжены со сборами и поборами. Как функционально, так и субстанциально их усилия не державны, а корыстны: правительственные отправления имеют значения «не столько действий, направленных к поддержанию порядка и охране права, сколько ... источников дохода или доходных статей для управителей»⁹.

Кормления представляли не вознаграждение, а награду за службу, награду, вносимую обществом в конкретные сроки. Порядок получения корма с пути (отдельная область хозяйства или определенный доход – чашничий, ловчий, стольничий и т.д. пути с обслуживающим их населением) налаживался урочно: по занятии должности, вступлении в полномочия полагался единовременный въезжий корм; ежегодные постоянные подношения сцеплены с праздниками – Рождества, Петра и Павла и т.д. Кроме натуральных приношений предполагался сбор судебных, таможенных пошлин, пошлин с «записей актов гражданского состояния» – сборы со свадеб («новоженный убрус», «выводная куница»).

Кормы рассредоточивались по сохам – податным единицам, заключавшим в себе «известное число тяглых городских дворов, определявшееся их зажиточностью, или известное пространство тяглой крестьянской пашни, изменявшееся по качеству земли и по роду землевладельцев»¹⁰. В удельное московское время «поместная и вотчинная соха заключала 1200 десятин доброй земли в трех полях, 1500 десятин земли средней и 1800 десятин худой; сохи земель дворцовых, монастырских

⁹ Там же. – С.313.

¹⁰ Там же. – С.314.

и черных были... меньше, с убавкой на 25-37%»¹¹. В денежном выражении при необходимом пересчете «волость получал в год только с кормовых статей около 1350 рублей», что едва ли составляло половину дохода; часть последнего шла в казну в пользу князя и центральной администрации, блюдущих свои интересы на земельных должностях¹².

И второй период удельных времен не осчастливил благозвучием ангельской песни «на земле мир, в человецех благоволение». На самом дальнем горизонте в эту пору не просматривается что-либо, обуздывающее в агентах государственности своеволие и корысть, превращенных в дурную политическую привычку. Власть не усвоила себе «общие интересы народа, которые призвано ведать государственное управление»¹³.

Третья вежа – чиновно-бюрократическое легальное администрирование. В благородном свободомыслии «у русских людей не бывает недостатка, пока они не видят необходимости согласовывать свои слова с делом»¹⁴. Необходимость вытравить низменный шкурный взгляд на должность как источник наживы витала в воздухе. Возникла практическая потребность, ограничив «свободомыслие», обмирщить официальную идею «самой службы как служения общему благу, народным нуждам»¹⁵.

Непосредственным проводником государственного подхода к управлению, по идее, является служилая каста – рационально действующая бюрократия – компетентные специалисты, профессионалы, функционеры, аппаратчики, дельцы, – в маске беспристрастности патриотично преодолевающие низины и тенета удельного служебного безобразия. Terra firma оздоровляемого искусства государственности создавалась проникающей перестройкой удельного порядка с организацией присутственных мест – изб, приказов, ведомств, откуда вышли регулярные коллегии, департаменты, агентства, министерства, действующие национально.

Кормления ликвидируются земской реформой 1555-56 гг., отменявшей пути; учреждавшей земское самоуправление (губная реформа) – смена наместников, волостей выборными земскими (из числа состоятельных хозяев) и губными (из местных дворян и детей боярских)

¹¹ Там же.

¹² Там же. – С.315.

¹³ Там же. – С.309.

¹⁴ Лесков Н.С. Соч. – Т.3. – М., 1980. – С.447.

¹⁵ Ключевский В.О. Цит. соч. – С.316.

старостами; заменявшей суд кормленщиков судом государственным (новый судебник 1550г. ужесточал наказания за лихоимство в судопроизводстве; рассмотрение дел предполагало присутствие представителей местного населения – дворянских, старост, целовальников, т.е. присяжных); и укреплявшей тем самым политический, социально-экономический базис русского государства.

С передачей вершения суда, сбора податей выборным «излюбленным головам» – старостам и их подручным «лучшим людям» – целовальникам упразднялся «иммунитет» (множество волонтерных правонеоформленных феодальных привилегий на осуществление государственных функций без вмешательства центральных властей), обеспечивалось соблюдение гражданских интересов обывателей «без посулов». Администрирование постепенно теряло «характер правительственной аренды (откупа) или кормления служилых людей... и становилось настоящим органом общегосударственного управления»¹⁶.

Итак, ввиду перемещения водоворота силы в сторону государственного порядка и права, ход дел, устройство вещей вынудили складывание функционально-административной легальной основы управления с атрибутивным ему типом – чиновной бюрократией. Между тем собственно народно-демократических начал организации жизни, обмирщавших не господство, а сотрудничество, соратничество, соработничество, не выработалось. Препятствием служил блок причин.

1. Неупорядоченное переплетение общих и местных интересов при удельном правлении с переходом к новому строю отправления государственной деятельности не повлекло их четкой организационной дифференциации. При явном дефиците инициативного ресурса коронного звена власти, казалось бы, простор развития местного самоуправления предрешен. Не тут-то было. Продуктивной системы областной общественной самодеятельности не сложилось. Печальным подспудьем этого являлась порочная черта ведения выборными местными властями не местных, но общегосударственных дел «по указаниям и под надзором центрального правительства»¹⁷. Обозревая «круг дел губных и излюбленных земских старост... видим, что это были все дела не местные, земские в собственном смысле, а общегосударственные, которые прежде ведались местными органами центрального правительства,

¹⁶ Ключевский В.О. Цит. соч.– С.426.

¹⁷ Там же. – С.344-345.

наместниками и волостелями»¹⁸. Таким образом, сущность земств «состояла не столько в праве обществ ведать свои местные земские дела, сколько в обязанности исполнять известные общегосударственные, приказные поручения, выбирать из своей среды ответственных исполнителей «к государеву делу»¹⁹. В сказанном проступает «новая земская повинность, особый род государственной службы, возложенной на тяглое население» и сопряженной «со строгим надзором и отчетностью местных органов перед центральным правительством»²⁰.

2. Иррадированность местного по источнику и неместного по природе ведения дел земского управления, его территориальная дробность вкупе с ведомственной сложностью, разобщенностью, естественно, снижали эффективность государственного регулирования тока жизни: «Ничем не объединяемые на месте ... сословные миры не находили средоточия и в правительственном центре»²¹. Возникла потребность усилить связь центрального правительства со ставленниками местных обществ. Последнее вменялось особым органам – земским соборам – советам «всея земли», созываемым как представительные учреждения для выработки принципиальных общенациональных решений.

В каком смысле представленным на соборах лицам можно придавать представительное значение? Как выводит Ключевский, «основой соборного представительства был не общественный выбор по доверию, а правительственный призыв по должности или званию»; лицедеи «являлись на собор представителями не общества или земли, а носителями службы, общественными орудиями центрального управления»²².

Внесение систематичности в оценку исторического материала применительно к нашим сюжетам влечет заключение – провал идеи народного представительства на Руси – следствие не лиц, а системы, поставившей не на выражение воли народа, не на уполномоченных общества, а на келейные совещания «правительства с собственными агентами»²³. Представительство по положению, а не по земскому полномочию вырастает в сугубую властную связность граждански дискредитировать народ, расценивая его не как гражданство, а как паству, о благе

¹⁸ Там же

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. – С.349.

²² Там же. – С.358.

²³ Там же.

которой пекутся ее настоятели, – не массе «подобает назначать выразителей своей воли», для того есть готовые власти – «правительство с его подчиненными слугами, которые и есть настоящее государство, ... народ не может иметь своей воли», он «обязан хотеть волею власти, его представляющей»²⁴.

Как видно, с XVI столетия на Руси закладывается факт с глубокой подоплекой а) оккупация центральным местным, правительственным областнического; б) дискредитация народно- представительского с подменой его командно-приказным, служивым. Для гражданской перспективы вряд ли что-либо может быть более нежелательным, чем выхолащивание народных основ политики, связывание живого творчества масс, препятствование заявлению и проявлению населением своей устроительной миссии.

Доверие оправдывают успехами. Народное доверие власти отныне оправдывают успехами преемства, проведения самовластья. Достичь полноты картины в подкреплении высказанного из-за обилия фактуры невозможно. Потому при отборе соответственных иллюстраций ограничимся использованием образа библейского углового камня: камня, который «соделался главою угла»²⁵. Во главе угла – явление, составляющее не черту, а «самое все» нашей гражданской культуры, имя которому – бюрократический абсолютизм, самовластная власть с тревожащим переплетением взаимно интонирующих признаков, – как-то: народное тягло, принудительная государственная разверстка специальных управленческих функций между слоями, номенклатурность, централизм, дирижизм, бесправие, администрирование, отчуждение управляющей элиты от управляемой массы, вытравление достижительности, эффективности. Все эти отличия исторической жизни подвели к производству своеобразного местного склада, который, раз образовавшись, в дальнейшем своем действии олицетворял общий закон национального развития²⁶.

Закон этот возможно определить как закон стеснения народной свободы. Действительно. Свобода есть перемещение «источника авторитета и закона в интимную сферу собственного духа» (Руджеро). Радикально игнорирующая общественную сторону вещей отечественная

²⁴ Там же.

²⁵ Псалтирь. – 117,22.

²⁶ Также см.: Ключевский В.О. Цит. соч. – Т.III. – С.10.

власть поняла это буквально, – именно: перемещение источника авторитета и закона в самоличную казенную сферу. Поскольку народ как политическое целое в России не есть ни государство, ни власть, постольку он (как граждански бездомная группа) не свободен. Скучно оборудованный с XVI в. нашей историей загон оставляет возможность свободы лишь государственной власти.

Национальная традиция не знает примеров обратного.

XVII век по воспроизводству мерзлых плодов политического и гражданского антидемократизма имеет предтечу (XVI век национальной истории), но по производству волевых импульсов абсолютистского панстроительства не имеет прецедента (реалии европейской истории). Подрыв внутренней свободы отечественного быта обуславливался укоренением большого политического недоразумения в виде консервации удельных предрассудков:

– государство функционировало не как народный союз, но как династический приход, большая вотчина, наследственная собственность, хозяйство со своими доходными статьями и обкладываемыми классами населения;

– противозаконности: власть отправлялась не по закону, а по усмотрению, отсутствовала элементарная правовая регламентация властных акций. Государство реализовывалось как институция государя, а не народа. Иван III кому хотел, тому давал княжения. Иван IV кого хотел, жаловал, кого хотел, казнил. Цель государства подчинялась эгоистическому интересу хозяина земли, и самый закон носил характер хозяйственного распоряжения, исходившего из кремлевской усадьбы и устанавливавшего порядок деятельности подчиненных²⁷. Даже высший правительственный слой, которому «государственная служба давала возможность командовать другими, не видел прямого законодательного объяснения своих политических преимуществ. Он правил не в силу присвоенного ему на то права, а фактически, по давнему обычаю»²⁸. Законодательство не фиксировало прав – ни личных, ни сословных, ни должностных:

– этатизма: господство начала повинности не оставляет места частным интересам, принося их в жертву требованиям государства;

²⁷ Там же. – С.16.

²⁸ Там же. – С.51.

– централизма: государственное положение лиц определяется не правами, а обязанностями; все и всякие формы управления (в том числе местное самоуправление) – орудия централизма;

– возврата к системе кормлений: с выделением воеводств их содержание (воевод, приказных людей, дьяков, подьячих) легло тяглом на земскую организацию, истощавшую «земскую коробку»;

– дирижизма: земство «вело свои дела под наблюдением и по указаниям воеводы; земский староста вечно на посылках у воеводы и лишь изредка решается вступаться за свой мир против его распоряжений»; из подобного отношения земского управления к приказному «развились чрезвычайные злоупотребления»; воеводское кормление «вело к разорению земских миров»²⁹; всеохватная опека местного управления «уронила земские учреждения, исказила их первоначальный характер, лишила их самостоятельности, не уменьшив их обязанностей и ответственности»³⁰;

– фиаско представительности: итожа трагикомедию земских соборов, Ключевский резюмирует, – «народное представительство возникло у нас не для ограничения власти, а чтобы найти и укрепить власть; в этом его отличие от западноевропейского представительства»³¹; земский собор не стал постоянным органом народных нужд и интересов, общенациональным законодательным учреждением, входящим в государственный порядок; по существу, он лишился земского характера, стал представительством только верхних классов.

XVIII век по части развязывания вихревого начала управленческой безотносительности вырастает в крупную связность: расширение крепостничества, укрепление вседержательства, лишение правоспособности, нагнетание произвола, насилия, усиление фискальной эксплуатации, политическое порабощение народа. Мартиролог явлений, вбрасывающих в пределы несправедного и нелепого, включает создание пан-порядка, оттеняющего и без того внятные абсолютистские конфигурации.

²⁹ Там же. – С.143.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. – С. 198.

Испытание несправедливостью, бесправием, безнарядьем началось деятельностью Петра, заботившегося о казне, а не о народной свободе, и потому с большим ущербом для права и справедливости искавшего не граждан, а тяглецов³².

Петр загнал в крепость целые разряды свободных лиц, уравнивал все виды неволи близко к типу полного холопства, что не замедлило усугубить цивилизованное отставание России от Европы³³. Его наследники – опасные политические дилетанты – расширяли крепостничество. Указом 6 мая 1736г. помещик получал право единолично определять меру наказания крепостных за побег. Указом 2 мая 1758г. помещик уполномочивался наблюдать (!) за поведением крепостных. Указом 13 декабря 1760г. помещик наделялся правом ссылать крепостных в Сибирь на поселение. Это право усиливал Указ 1765г., дозволявший посылать их на каторгу. Подобные распоряжения и предписания, как видно, лишали крестьян правоспособности. (Ко всему присовокуплялась невозможность крестьян обязываться векселями, вступать в поручительства, жаловаться на господ).

На место аристократической иерархии породы Петр поставил бюрократическую иерархию заслуги и выслуги (Табель о рангах с всесторонней классификацией служащего люда по трем параллельным рядам – воинскому, статскому, придворному – с 14 классами).

Практиковались «отеческие» приемы исправления сановников – битье дубиной (Меньшикова), публичные сечения (петербургского вице-губернатора Корсакова, сенаторов Волконского, Опухтина).

Уничтожение сословного представительства, самодеятельности земских учреждений, утрирующее переход на самовластную управленческую систему, сопровождалось введением фискальства, вносящего в общество «нравственно недоброкачественный мотив»³⁴.

Феномен фискально-полицейского государства во главе с ничем не успевающим самодержцем (как писал Посошков, трудится «монарх, да ничего не успевает; пособников у него мало; он на гору сам – десять тянет, а под гору миллионы тянут: как же его дело скоро будет?»), с его произволом, презрением к законности и человеческой личности выказал полное бессилие в борьбе с казнокрадством, взяточничеством, служебной распущенностью. Внушительными декоративными фасадами

³² Ключевский В.О. Цит. соч. – Т. IV. – М., 1989. – С.96.

³³ Там же. – С.96, 304.

³⁴ Там же. – С.152.

прикрывалось общее безнарядье: низ отвечал разбоями на произвол верха: «это была молчаливая круговая порука беззакония и неспособности здесь и безрасчетного отчаяния там»³⁵.

Манифестом 18 февраля 1762г. «О жаловании дворянству вольности и свободы» верхний класс освобождается от обязательной службы и с новыми правами становится господствующим сословием, народом в политическом смысле слова³⁶.

Жалованные грамоты дворянству и городам (21 апреля 1785г.) венчают корпоративное устройство сословия, выражающееся в решительном преобладании дворянства в местном управлении. Разумеется: выборный состав сословных дворянских и личный состав бессословных коронных учреждений.

Принимая в расчет отсутствие твердого основания законов социальной деятельности периода расцвета позднефеодального абсолютизма, ведение чисто личной политики, не прикрываемой никаким «рядом стоящим хотя бы только совещательным, но законно оформленным и ответственным учреждением»³⁷, следует подчеркнуть: местные выборные учреждения 1775 и 1785 гг. в систему местного самоуправления для удовлетворения местных нужд не сложились; они выступили служебным орудием рассеянной по губерниям коронной администрации по «общегосударственным делам»³⁸.

Сосредоточив в своих руках власть не только неограниченную, но и неопределенную, лишенную всякого юридического облика, «политический народ» – дворянство, – однако, ею распорядиться не смог. Положение дворянства в обществе «покоилось на политической несправедливости и венчалось общественным бездельем»; в гражданском отношении дворянский класс безнадежно деградировал: «дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела», – ни участие в местном управлении, ни сельское хозяйство не задавали ему никакой серьезной работы; живые, насущные интересы «не привязывали его к действительности; чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина», а дома «на

³⁵ Там же. – С.182.

³⁶ Там же. – С.331.

³⁷ Там же. – Т. V. – С.65.

³⁸ Там же. – С.402.

него смотрели как на случайно родившегося в России француза. Так он стал в положение межеумка, исторической ненужности»³⁹.

Таким образом, политически свободный руководящий класс, очутившись во главе русского общества, не мог стать деятельным его руководителем. Тем более не могли сыграть эту роль классы политически несвободные.

XIX век усиливает тенденцию попечительного самовластия, за которым скрывается «небывалый организованный гнет правительственной опеки и полицейского сыска»⁴⁰. Общее квалифицирующее суждение легко подтверждается громадой исторического материала.

Под цензурность. Павел учредил цензуру для заграничных книг (кроме разве что писанных по-тунгусски). Александр I принял жесткий цензурный Устав 1804г. Единственный докладчик при государе по всем делам Аракчеев желал сделать из России казарму да еще с фельдфебелем у дверей.

Закоснелость. На фоне польской конституционной эпопеи, остзейской эмансипации крестьян в стране наряду с подавлением неблагонамеренного поведения, вольнодумства, простором лицемерия, доносительства, - пережитки крепостничества. На допросе верховной следственной комиссии в качестве причины участия в антиправительственном заговоре Кюхельбекер указывал: «Взирая на блистательные качества, которыми бог одарил русский народ, единственный на свете по славе и могуществу, по сильному и мощному языку, которому нет подобного в Европе, по радушию, мягкосердию, я скорбел душой, что все это задавлено, вянет и, быть может, скоро падет, не принеся никакого плода в мире».

Беззаконие. Не могло укорениться начало законности в крепостной стране, где свыше 40 миллионов душ обоюбого пола пребывали в рабстве, «зависели не от закона, а от личного произвола владельца»⁴¹. Частные гражданские отношения диссонировали с основаниями, задумываемыми или водимыми для государственных учреждений. Протиправие не сочетается ни с демократией, ни со свободой.

Бюрократизация. Значительная правда в утверждении: конец политической роли дворянства – события 14 декабря 1825г. С этого момента дворянский служилый слой заменяется бюрократией. Положение

³⁹ Там же. – С.167.

⁴⁰ Там же. – С.372.

⁴¹ Там же. – С.237.

1831г. ограничило право участия дворянства в губернском правлении установлением ценза. Закон 1837г. усложнял устройство руководимой дворянством земской полиции. Начальник уездной полиции – исправник – действовал по-прежнему, но каждый уезд разделен на станы, а во главе станов ставился становой – коронный чиновник, назначавшийся губернским управлением лишь по рекомендации дворянского собрания⁴². Таким образом, влияние дворянства во внутренней жизни ослаблено «введением цензов и сочетанием выборных должностей с коронными»⁴³.

Негативная сторона процесса помимо прочего заключалась в перспективной десоциализации и деквалификации управления: по мере бюрократизации руководства государством и обществом, – отмечает Хабермас, – компетенция специалистов – управленцев, переставая быть предметом общественного обсуждения, неуклонно вырождается, падает⁴⁴.

Централизация. Нарушение хрупкого баланса центрального и местного начал в управлении в сторону первого. Центральное управление страшно расширено; местное оставлено в прежней форме. Необычайное развитие получила канцелярия: «все дела велись канцелярским порядком, через бумагу; размноженные центральные учреждения ежегодно выбрасывали ... десятки, сотни тысяч бумаг, по которым ... палаты... должны были чинить исполнение ... непрерывный бумажный поток, лившийся из центра в губернии, наводнял местные учреждения, отнимал у них всякую возможность обсуждать дела: все торопились очищать их: не исполнить дело, а «очистить» бумагу ... все цели общественного порядка, который охранялся администрацией, все свелись к опрятному содержанию писаного листа бумаги; общество и его интересы отодвинулись перед чиновником далеко на задний план»⁴⁵. Управление теряло дееспособность: по мере развития подобного механизма руководство лишалось возможности следить за действием его частей, – «каждый министр мог только, посмотрев на... громадную машину государственного порядка, махнуть рукой и предоставить все воле случая»⁴⁶.

⁴² Там же. – С.246.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. – Neuwied, 1969.– S.253.

⁴⁵ Ключевский В.О. Цит. соч.– Т. V. – С.246-247.

⁴⁶ Там же.

Бесправие. Положение 19 февраля 1861г. объявило крепостных крестьян лично свободными. Но получение персональной свободы фактически связывалось земельновладельческой временнообязанностью, – до выкупа земли, которой крестьяне наделялись для исправного платежа государственных, казенных, земских повинностей, помещик сохранял право вотчинно-полицейского надзора за ними. Освобождение крестьян – мера не либеральная, но вынужденная. Спад производства, обезлюдение села, его вырождение проблематизировали содержание помещичьего класса. Государство взяло на себя груз этой задачи, ссудирова выкупы крестьянами помещичьей земли и уплачивая ее хозяевам 4/5 приходящейся на наделы капитальной суммы. В 1881г. правительство Александра III выкупило последних 1,5 млн. временнообязанных крестьян, завершив тем самым их освобождение.

Сервизизм. Россия и в XIX в. «оставалась невольничьей страной; только верхние классы ее населения, дворянство, духовенство и городской состав, были полноправны в тогдашнем размере русского полноправия, составляя *paus legal* русского государства»⁴⁷. Сельское податное население, крепостные, – рабы патентованные. Государственные крестьяне номинально вольны, реально рабы. Екатерина II определила в жалованных грамотах права дворянства, городов; соответственную же грамоту прав государственным крестьянам не дала. Не сделали этого ни Александр I, ни Николай I. Звание правоспособных граждан 90% населения российской империи получили лишь в 1861г., во многом, правда, оставаясь под гражданской опекой помещиков (формально до 1881г.).

Основной итог гражданского движения XIX в. – развитие земских структур (собрания, управы), которые лицуются (при Александре II), перелицовываются (при Александре III), но упрочаются, становясь публичными управленческими органами. Ничего подобного, к несчастью, недозволительно утверждать о государстве: государство XIX столетия не становится публичным институтом – государством русского народа.

XX век не только не развил демократию, дающую народу внутреннюю свободу, актуализирующую его историческую миссию, но с максимальной выразительностью осуществил нечто обратное, тем самым подтвердил правоту горького чаадаевского признания: Россия –

⁴⁷ Там же. – С.433.

«олицетворение произвола», мир, «покорный воле, произволению, фантазии одного человека»⁴⁸.

XX век един и множествен одновременно. Един по закономерному содержанию, состоящему в воспроизведении универсальной «болезни русского духа» (Франк) – правового нигилизма. Множествен по относительному своеобразию форм его (содержания) восстановления. В период до 1917г. это – реставрация пережитков царизма при установлении монархической демократии. В период с 1917г. по 1993 гг. это – реставрация пережитков авторитаризма при установлении советской демократии. В период с 1993 г. по настоящее время это – реставрация пережитков кратократизма при установлении парламентской демократии.

Петр I – Екатерина II насаждали, а последние Романовы тщились поддерживать самодержавно-дворянскую систему. Ленин – Сталин насаждали, а Брежнев – Горбачев тщились поддерживать самодержавно-советскую систему. Ельцин насаждал, а Путин тщится поддерживать самодержавно-олигархическую систему.

Период самодержавно-монархический. Социальные анахронизмы в виде полукрепостнического уклада общественной жизни подверглись фронтальной ревизии в ходе народных выступлений 1905г. В результате упразднены рутинные скрепы консервативно-дворянской организации: а) отмена выкупных платежей, окончательно ликвидируя помещичье землевладение, открывая простор единоличному крестьянскому хозяйствованию, означала обретение самым массовым слоем крестьянской страны – крестьянством – экономической свободы; б) ограничение самодержавной формы правления – Манифест 17 октября даровал свободы политические: начал оформляться всегражданский политический спектр, предприняты практические меры по созыву законодательной Государственной Думы.

При всей той смете, однако, вынужденные почины короны половинчаты. I Госдума, проработав 2,5 месяца, царским распоряжением (противоречащим положению 17 октября) распущена. Аналогично распущена II Госдума, проработавшая 3,5 месяца. Правительство приняло новый не одобренный всенародным органом избирательный закон (третьеиюньский переворот 1907г.). Видимость парламента (не решавшего назревших общественных вопросов типа – созыва Учредительного со-

⁴⁸ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М., 1990.– С.369.

брания, принятия Конституции, дальнейшего ограничения самодержавного произвола, гарантий народного представительства, землепользования и т.д.) восстановлена в функционировании III Госдумы (1908-1912 гг.), являвшей собой проправительственный форум, лояльнейшую «оппозицию его величеству» (Милюков). IV Госдума (1912-1917 гг.), как и ее предшественницы, также не стала инстилляцией парламентаризма. Беспечная рутина развила политическое уныние. Воистину и деятельность института (как человека) «пуста и ничтожна, когда не одушевлена идеею» (Чернышевский). Тем не менее, значение думского опыта состоит в разрушении архаичного бесконтрольного самовластья: с апреля 1906 г. подданные российской империи освободились от закрепощения личности, несовместимого с понятием свобод и прав гражданского гражданина. Акт 17 октября – не рядовое самоограничение самодержавия. Невзирая на всяческие изъятия, попятные движения, отступления от принятых правил, с 1906 г. страна, народ, наконец, возымели основной закон, двухпалатное демократическое представительство, гражданские и политические права, перспективное местное управление.

Между тем в результате непродуманных, импульсивных откатов в политической модернизации в виде урезания прав и народа, и Госдумы, паралича высшей власти (министерская чехарда во время I Мировой войны, когда сменилось 4 премьера и 44 министра), пассивности, безответственности двора и монаршей особы, 22 февраля покинувшего воюющую, бурлящую столицу, имело место тотальное накопление конфронтационности.

Ввиду дискредитированности царского режима на фоне организованного начальником штаба Верховного Главнокомандующего генералом М.В. Алексеевым и председателем Госдумы М.В. Родзянко демарша генералитета – командующих фронтами и флотами : Н.В. Рузского (Северный фронт), А.Е. Эверта (Западный фронт), А.А. Брусилова (Юго-западный фронт), В.В. Сахарова (Румынский фронт), Н.Н. Романова (Кавказский фронт), А.И. Непенина (Балтийский флот), А.В. Колчака (Черноморский флот) – 2 марта 1917 г. произошло отречение Николая II от престола. Этой датой итожится конституционно-монархический этап отечественной политической истории.

Далее – двоевластие: Временного правительства и Исполкома Петроградского совета. 1 сентября 1917 г. Россия провозглашается (Временным правительством) республикой. ЦИК Советов объявляет о

созыве «Всероссийского демократического совещания» (открылось 14 сентября 1917г.), в составе которого – ЦИК Советов, Исполком Всероссийского совета крестьянских депутатов, представители земств, городского самоуправления, кооперативов. Совещание декларирует Совет Российской республики (предпарламент), придавая ему функции совещательного органа при Временном правительстве.

Решать, как сложилась бы судьба государства, реализуй его народ и политическая элита буржуазно-демократическую возможность развития, сложно. Как бы там ни было, шанс ненасильственного эволюционно-либерального реформирования страны был упущен. Силовым образом ему был противопоставлен иной шанс – революционная советско-коммунистическая диктатура.

Период самодержавно-советско-коммунистический. Двоевластие, т.е. власть двух диктатур – буржуазной и пролетарско-крестьянской, невзирая на разрушительную линию апрельских тезисов, просуществовало полгода. Затем – октябрьский переворот, разгон Учредительного собрания (уполномоченного выработать основной Закон), запрет партий (с 6 июля 1918г.), оформление коммунистической монокультуры. С 1918г. по 1993г. утвердилась неограниченная власть советов (с января 1918г. по декабрь 1936г. – советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; с декабря 1936 г. по октябрь 1977 г. – советов депутатов трудящихся; с октября 1977 г. по октябрь 1993 г. – советов народных депутатов).

Как говорил Ницше, фактов нет, есть интерпретация. В стихийном опыте революций, начиная с 1905 г. и далее, советы конституировались как народные структуры власти. На официальном арго они и квалифицировались как представительные органы государственной власти в СССР, через которые осуществляется политическая власть трудящихся. В действительности Советы – политическая основа СССР – не стали органом народного самоуправления. Они стали органом правления коммунистической номенклатуры, кастово-аппаратным институтом.

То, что советская система не имеет каких-либо преимуществ сравнительно с парламентской демократией (вопреки Ленину, по которому советская власть демократичней «самой демократической буржуазной республики»), поняли достаточно быстро, а именно – к февралю 1921 г., когда мятежники из Кронштадта выдвинули политический лозунг «Власть Советам, а не партиям!» (Имея в виду, конечно, одну и

единственную правящую партию). Фактически трех лет хватило, чтобы начать переосмысливать опыт представительства в большевистской редакции, при котором народное избранничество выхолостилось, подменившись коммунистической бюрократией (о чем Ленину тревожно сигнализировал из Подмосковья Кропоткин).

Если царизм политически эволюционировал *a posse ad esse* – по вектору демократически-правовому (пускай вынужденное, но предоставление населению политических прав, создание, расширение парламентских противовесов, юридических сдержек), то большевизм политически эволюционировал *a verbis ad verbera* – по вектору антидемократическому и неправовому. При большевизме не ограниченная законами власть, не проходя легитимации ни именем бога (церкви), ни принадлежностью монархическому роду, была радикально выведена из-под юрисдикции права. Державное беззаконие в масштабах великой страны в новейшее время – не имеющее прецедентов диковинное и дикое явление. Как оно вызрело, утвердилось?

Подмену власти народа (после октябрьского переворота советы стали органом не народного, а классового представительства) властью партии и ее вождей обеспечило экзотическое умение большевиков не выдумывать реальность, а идти дальше правил, ее определяющих.

Желающие прославить себя народорадением отечественные венценосцы выдвигали масштабные цивилизационные проекты. Екатерина II грезилась «греческим проектом» - монополия православной России в Европе при равенстве ведущих историю от Древнего Рима западноевропейских стран. Александр I вынашивал проект Священного Союза – единой христианской Европы при российском лидерстве. Большевики озадачили человечество общепланетарным проектом нового мира. После краха революционного движения в странах центральной и юго-восточной Европы (1918-1923гг.) перспективы глобального большевистского проекта, однако, отодвинулись в призрачное далеко. Коррекция нашлась на переключении энергии на строительство нового мира в «одной, отдельно взятой стране». Интересами будущего и ведущего в него большевистского государства и оправдывались все и всяческие почины. По меркам обыденности, в том числе преступные.

Последнее вполне объяснимо: поскольку вызывание неведомого – акция творческая, нестандартная, продуктивное действие осуществлялось с отменой незыблемых завоеваний мысли и жизни, игно-

рированием зависимостей общесоциальных. Законы движения духовных и вещественных потоков подчинились не общезначимой, а измышленной логике созидания, представляющей причудливый симбиоз закона и беззакония, права и бесправия, действительности и мечты, реальности и вымысла.

Конкретно возможность цивилизационного недоразумения по видимости всенародной, а по позитивной сути всекоммунистической власти обуславливалась первопроходческой *placet experiri*, где: партии отводилась юридически несанкционированная миссия «руководителя и организатора» всех мыслимых и немыслимых побед. Воспользуемся этим замечанием, чтобы рассмотреть принципиальный вопрос: что следует из превращения общественной организации в первую без равных.

В общем, партия есть политическое объединение, отстаивающее интересы известных слоев и управляющая их социальной деятельностью. Исходные функции партии конституируются волеизъявлением масс. Фокус в том, однако, что большевистская партия, будучи организацией массовой, в своей деятельности насущных позиций масс не выражала и не отстаивала.

КПСС – партия непарламентского, неконкурентного типа; она – общественный авангард, инициативы которого не регулируются законодательно. В отсутствие политической соревновательности безотносительно к вотированию КПСС сосредоточила монополию на властные полномочия.

Со стеснением сердца вспоминаются оправдывающие данный порядок вещей времена, когда во главу угла ставилась странная, отдающая приоритет не универсальному, а частному (именно: партийно-классовому) праву базовая формула «социалистической законности». Правовой негативизм играл двоякую роль, одновременно и ограничивая правоотношения, которые отступали перед прямым революционным действием, и подменяя право технико-организационными методами партийного регулирования⁴⁹. И одно, и другое оказывалось повсеместным.

Ограничение права. Эпоха новейшей истории, отсчитываемая октябрем, в кондовых советских текстах традиционно характеризуется как успешное социальное строительство, всесторонний прогресс демо-

⁴⁹ Подр см.: Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига, 1964.

кратии и народовластия, простор правопорядка и законности, политическое, экономическое, культурное процветание нации. Слова бодрящие. Но главное не слова, а то, что за ними. За ними же – несостоявшиеся реалии, из сферы предположительного не переведенные в ранг бесспорного. Скажем сильнее: печально, но нельзя отрицать, – ни демократии, ни народовластия у нас достигнуто не было.

Начать с партии. Внутрипартийная демократия (со стандартной атрибутикой – свобода обсуждения, гласность, критика) практически отменялась печально знаменитой резолюцией X съезда РКП (б) о единстве партии, запрещающей фракционную деятельность. В ней предписывалось «немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы» и «строжайше следить за недопуском каких-либо фракционных выступлений». Неисполнение предписания влекло «безусловное и немедленное исключение из партии».

Следствие резолюции – искоренение инакомыслия и инакодействия не столько относительно большинства организации, сколько большинства в ее руководящих органах. Соответственные методы решения проблем с крайностями отрабатываются по ходу борьбы с троцкистами, правыми оппортунистами, мелкобуржуазными уклонистами, капитулянтами, двурушниками, маловерами, оппозиционерами. (Исторически борьба охватывает значительный период с XV съезда ВКП(б) 1927 г., исключившего из партии Троцкого, Зиновьева вместе с 75 их сторонниками, до XX съезда КПСС 1956 г., ликвидировавшего антипартийную группировку Маленкова-Молотова-Кагановича и прикнувшего к ним Шипилова). Очень скоро они, перекрыв узкий фарватер партийной организации, выплеснулись на просторы 1/6 планетарной суши.

Мартиролог гражданского массового террора ввиду неполноты документальной базы составить невозможно. Но как бы там ни было в страшный перечень преступлений против демократии, человечности, развязанных партийными радикалами в облике дьявола, не могут не входить:

– сфабрикованные Шахтинское дело (1928г.); дела Промышленной партии, Трудовой крестьянской партии, Союзного бюро РСДРП (1930-1931гг.) (Якобы антисоветских подпольных вредительских контрреволюционных организаций, действовавших в машиностроении, военной, химической, текстильной, судостроительной промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, на активность которых списывались

все правительственные просчеты); дела врачей, космополитов (начало 50-х);

– государственный разбой в отношении собственного народа. В истоках правительственно инспирированного режима автотеррора масс – революционный террор Февральской революции; затем – красный террор в ответ на августовское 1918г. покушение на Ленина; расказачивание, раскулачивание; развязывание репрессий после декабрьского 1934г. политического убийства Кирова, введение троек, выносивших приговоры без суда и следствия; чистка партии (1935-1936гг.); принятие догмы об обострении внутренней классовой борьбы по ходу строительства социализма, массовое уничтожение безвинных людей (1937г.), число которых точно не установлено; расстрел рабочих в Новочеркасске (1962г.) и т.д. Можно ли интересами государства оправдывать преступления политической элиты? Вопрос риторический, под стать которому вовсе не освещенные вопросы роли государства в обстановке голода начала 30-х, середины 40-х. Скажем, в 1946 г. при резком ухудшении продовольственного положения сельского населения экспортные поставки зерна увеличены (из страны вывезено более 1 млн.т.хлеба). Крестьяне возмущались, роптали: «Меньше продавать хлеба за границу. Кормить до сыта свой народ...»; «Куда идет наш хлеб – в Берлин для наших исконных врагов, кто уничтожил богатство нашего труда? А теперь сидите... А мы будем попирать ваш труд»⁵⁰;

– военно-коммунистический диктат от насильственного устранения несогласных, оппонентов (разгром групповых оппозиций, преследование отдельных диссидентов вплоть до конца 80-х) до прямых вмешательств во внутренние дела государств под видом оказания «интернациональной помощи» (события в Восточной Германии – 1953; Венгрии – 1956; Польше – 1970; Чехословакии – 1968; Польше – 1981), прямой экспорт революции (участие «ограниченных советских контингентов» в боевых действиях в Лаосе (1960-1963, 1964-1970); Алжире (1962-1964); Йемене (1962-1963); Вьетнаме (1965-1974); Сирии (1967, 1973); Камбодже (1970); Бангладеш (1972-1973); Анголе (1975-1979); Мозамбике (1967-1969, 1975-1979); Эфиопии (1977-1979); Афганистане (1978-1991); Никарагуа (1980-1991)).

Технико-организационные методы регулирования социальной жизни. «Неужели не вразумятся все делающие беззаконие, съедающие

⁵⁰ Попов В.И. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). Сборник документов. – М., 1993. – С.105, 137.

народ мой, как едят хлеб...?»⁵¹, – вопрошает древний псалом Давида. Вопрошание вечное о ставших равно непотребными. К осуществлению новейшего беззакония в советской личине сделаны сильные приступы в части

– прямого обращения к народу при нелегитимном решении общенациональных вопросов, дабы создать видимость массовой поддержки линии партии и правительства (кампании по осуждению «врагов народа», «диссидентов»; «космополитов»); (как неустанно подчеркивал Мэдисон, подобные обращения к народу показатель того, что в стране не все в порядке);

– реквизиции. Здесь как прямой тривиальный грабеж всякого рода «братишками» личного имущества состоятельных лиц, так и завуалированная экспроприация прибавочного продукта состоятельных тружеников. Взять село. От конца 20-х до конца 50-х, от Сталина до разоблачавшего его Хрущева велась борьба с достижительностью. В 1928г. крестьяне продали государству 680 млн. пудов зерна, с началом коллективизации государство изъяло 1,3 млрд. пудов, но валовой сбор зерна снизился с 4,5 до 4,3 млрд. пудов. Валовые сборы зерна на душу населения вплоть до 40-х гг. не достигли уровня 1913 г. (Это при том, что в 1932г. машинно-тракторные станции обрабатывали более половины площади зерновых посевов).

Результат борьбы с кулаками (стольпинским цензовым элементом) в сфере животноводства в ходе форсированной коллективизации не менее плачевен: численность крупного рогатого скота сократилась с 60,1 млн. голов (1928) до 33,5 млн. голов (1933). (Уровень 1928 восстановлен лишь через 25 лет). В начале 30-х для обеспечения городов сельхозпродукцией ввели карточки (параллельно в 1933 колхозникам разрешили-таки вести индивидуальное хозяйство с торговлей на колхозном рынке – своеобразный локальный рецидив НЭПа).

Казалось бы, государство создавало крупные сельскохозяйственные предприятия с более благоприятными сопоставительно с мелкими условиями производства (внедрение высокопроизводительной техники, интенсивных форм хозяйствования, экономии трудозатрат и т.д.), – почему же проводимые мероприятия не давали эффекта?

Причины заключались в том, что линия в области сельского хозяйства подчинена идеологическим целям, направлена на обслужива-

⁵¹ Псалтирь. – 13,4.

ние завоевательной политики пролетарского государства (экспроприация как рычаг насыщения промышленности оборудованием); экономические отношения между городом и деревней всецело нарушены; между одним и другим шел неэквивалентный обмен; многомиллионное сельское население с 1930 по 1953гг. работало фактически бесплатно, – весь прибавочный продукт изымался в пользу государства⁵²;

– рецидивы крепостничества: посылка на отработки; лишение колхозников прав передвижения (изъятие паспортов); прикрепление рабочих к предприятиям; приравнение прогулов, опозданий на работу к уголовным преступлениям (их отменили при Хрущеве, но отчасти восстановили при Брежневе и Андропове – кампании ужесточения дисциплины, борьбы с летунами, прогульщиками);

– милитаризация: Петр I использовал армию в строительных работах после русско-шведской войны; большевизм универсализировал милитаризацию, превратив ее в принцип вершения истории, жизнеподдержания. Он вырос в питательной среде утопии Кампанеллы, нацеливающей на контингентирование общественных связей.

Троцкий на IX съезде РКП(б) (1920) выдвинул план тотальной милитаризации существования. По части регламентации жизни с ним не расходился Ленин, напутствовавший: «пусть рабочий класс организует производство, как организовал он Красную Армию»⁵³. (Правды ради скажем: меньшевики и эсеры организовали Красную Гвардию для борьбы с Корниловым, Ленин использовал ее для захвата власти, преобразовал в Красную Армию).

Наладить жизнь подобным способом (через прямой продуктообмен, всеобщее вооружение народа, тотальное декретирование, обобществление и т.д.) не удалось, о чем свидетельствовал крах политики военного коммунизма к 1921г. Зато удалось наладить подобным способом деятельность партии, которая, будучи «единой боевой организацией, связанной сознательной железной пролетарской дисциплиной»⁵⁴, возглавляет борьбу на всех фронтах – от горячих до холодных, от идейных до военных.

⁵² См.: Каргин И.Ф., Немцев С.Н. Землевладение в междуречье Волги Оки: возникновение и развитие.– Саранск, 2004.– С.128-132.

⁵³ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. – Т.40. – С.322.

⁵⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1971.– Т.5.– С.160.

Отсюда гиперболизация модели войны при реальном ее отсутствии с характерным прикладом – центрально-директивным управлением, мобилизационным способом бытия, ставкой на дармовые трудовые армии. Следствие милитаризации – многочисленные перекосы, асимметрии. В партстроительстве – не коллективное руководство, а начальствование вождя, через жесткую вертикаль и разветвленный послушный аппарат проводящего единоличную генеральную «единственно правильную» линию. В соцстроительстве – несоразмерность производительных секторов народного хозяйства. В 1928г. удельный вес группы А составлял 39,5%; в 1986г. – 75,3%. Удельный вес группы Б снизился за это время с 60,5% до 24,7%, что всецело отображает падение уровня жизни;

– администрирование – подмена живой работы декретированием; резкое сужение демократии, сосредоточение власти у горстки лиц (политбюро); безвластность советов (диктатура которых подменена диктатурой партии, – откуда популярный лозунг в крестьянской среде «советы без коммунистов»); беспомощность судов (при надобности в любых ответственных государственных и общественных органах создавались временные парторганизации, проводящие нужные решения); произвольное вмешательство в правоприменение (нарицательное хрущевское «Мы над законами или они над нами?»);

– репрессалии – Иван IV использовал террор в борьбе с боярской оппозицией, Петр I поступал сходным образом в борьбе с боярскими пережитками и личными врагами; использование же террора как механизма перевода ошибок руководства в чужие преступления⁵⁵, рычага поддержания государственности, социальности, – сугубое изобретение большевиков. Робкую ревизию принятой партийно-номенклатурной элитой политической модели деятельности (вождизм, автократия, диктат) предприняли делегаты XVIII «съезда победителей» (1939), голосовавшие против Сталина при выборах в ЦК, все оказавшиеся раскассированными;

– перетряхивание элиты – верная технология создания прозелитов, надежных адептов. Дореволюционная партийная гвардия была либо выбита, либо репрессирована в революционное лихолетье, заменена в «ленинские призывы» выходцами из крестьян. В отсутствии ясных, внятных правил формулирования высшего руководства на основе

⁵⁵ См.: Гудков Л. Негативная идентичность. – М., 2004.

ротации порядок рекрутирования в номенклатуру пребывал неизменным. Пропуском в высшее общество служили лояльность, персональная преданность первым лицам, отягощаемая временами непотистскими, мистическими, земляческими моментами (шлейфы Днепропетровска при Брежнев, Свердловска при Ельцине, Ленинграда при Путине). Вот уж действительно «...не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, ... и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их»⁵⁶. Изъятием из обстоятельств оказывались лишь критические периоды социальности, обязывающие перекрывать теснины досужих интриг взысканием компетентности. В такие периоды (Великая Отечественная война, оттепель, перестройка) необыкновенного политического и нравственного возбуждения, «укрупнения» человеческого, когда намечалась «новая роль личности» (Блок), практиковалась радикальная трансформация высшего эшелона (скажем, за 1986-1990гг. состав ЦК обновился на 85%), переход к коллективному руководству.

Коллегиальность управления, диверсификация полномочий, знаменовавшие разрыв с прошлым, однако, закреплялись ненадолго. Тягостная высота дозированной демократии и та покидалась ее покорителями. Происходил типологический процесс: вначале разделение, потом соединение инсигний. Пульсация этого правила отличает опыт и Хрущева (стал и главой правительства), и Брежнева (стал и главой государства), и Горбачева (стал и главой государства).

Итак, осевшие на дно прошлой общественной мысли постулаты о советском народном самоуправлении как пике демократизма развенчаны. Истина противоположна: военно-коммунистический диктат, большевистское самодержавие, безальтернативность выборов, вождизм, волюнтаризм, правонеоформленность партийных починов (легитимация последних в обход юридического универсализма проводилась явочной принадлежностью к коммунистической касте), силовое подавление оппонентов, опора на террор, а не на закон, исключали укоренение правового порядка, гражданского общества, политической демократии. Форсированная модернизация страны, начатая Витте – Столыпиным, прерванная Первой мировой войной, продолженная большевиками, привела к глубоким качественным сдвигам в хозяйстве, культуре, устройстве социальности. Многое удалось (минуя проблему гаран-

⁵⁶ Книга Екклесиаста, или Проповедника. – 9,11.

тийности, оптимальности, эффективности), кроме одного: благосостояния, самоосуществления, гуманитарной комфортности. На языке макросоциологии это имеет техническое название, именуясь безнадежным отставанием повседневности⁵⁷.

Сопоставление социалистического и капиталистического по показателю образа жизни всегда свидетельствовало не в пользу первого. Действовать, как в прошлом, восстанавливая «преимущества социализма» силовыми методами, уже было нельзя. Прибегли к ресурсу законотворчества, – закрывая глаза на человеческую компоненту общественной динамики, попытались придать коммунистическому полновластия юридическую силу.

Напомним: порочным моментом отечественной онтогенетики является несамодостаточность страны, народа, личности относительно иных ценностей. Петр поднимал над ними реформацию. Большевистские правители – власть. В 1977г. предпринят вынужденный шаг: новая Конституция официально квалифицировала КПСС как руководящую и направляющую силу советского общества; права и свободы граждан выстраивались по шкале близости или удаленности от целей «укрепления и развития социалистического строя»⁵⁸.

Как видно, юридическое подчинялось социальному, формально-правовое становилось аппендиксом содержательно-политического. На волка надели овечью шкуру. Что маскировали? Многое. В частности, что в последней четверти XX в. в смысле правооснащенности Россия откатилась на рубеж Даниловичей.

Самодержавие додумской эпохи имело династический базис легитимности. Николай II юридически ограничил самодержавную власть. Советский период национальной истории – правнеоформленный; правящая партия почивала в густой тени легального законодателя – Советов всех уровней. В 1977г. спустя 60 лет монопольного неправового правления КПСС получила легитимацию, однако за счет зажима демократии.

Клокочущий железный темный поток партийного безнравия не был канализирован вследствие редукции закона права к закону истории. «Если связь явлений природы и взаимная их обусловленность

⁵⁷ См.: Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало. – М., 2005.

⁵⁸ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических республик. – М., 1978. – С.6,18.

представляют закономерности развития природы, – чеканит всезнающий краткий курс, – то из этого вытекает, что связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни представляют также не случайное дело, а закономерности развития общества»⁵⁹. Поскольку партия (!) вскрыла (коллективным разумом) эти закономерности, постольку социализм, из них вытекающий, из мечты о лучшем будущем человечества превратился в науку, его нужно объективировать в практической деятельности⁶⁰. А дальше – кто не с нами, тот против нас: отмирание социалистического государства сопровождается его укреплением.

Даниловичи имели юридическое право властвовать благодаря монархическому принципу. КПСС возымела юридическое право властвовать благодаря историческому принципу.

Вопреки словоблудью всеобщий «исторический закон» фатально обваливался; всеильное, всепобеждающее «единственно верное» учение претерпевало эрозию. Коммунистическое абстрактное целеполагание входило в диссонанс с фигурами конкретной жизни.

Ленин полагал, будто через 10-15 лет после революции советские люди окажутся в коммунизме. Хрущев отодвинул журфикс на 1980г. Брежнев замотал проблему, погряз в этапах и стадиях. Горбачев отменил коммунистическое строительство.

Тогда обострилась тема избраннического статуса «боевого авангарда», «руководящей и направляющей», рупора исторического закона, ведущего народ в бесславный тупик и препятствующего открытой политической практике. На волне тотальной критики КПСС и ее сакрализованных вождей в 1990г. отменена 6 статья советской Конституции, законодательно закрепляющая автократическое единодержавие партии. Тогда же издается закон «Об общественных объединениях», узаконивающий политический плюрализм, многопартийность.

Ценности не доказываются, а прививаются. Социалистический опыт без человеческого лица в очередной раз высветил: все успехи отступают (а их, выражаясь протокольно, было немало), если рушится человек. Повторимся: по части гуманитарных ценностей социализм не преуспел. Форсированная модернизация, технические рывки, какие бы новации ни несли, без человеческого прогресса обречены на провал.

⁵⁹ История Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Краткий курс. – М., 1953. – С.109.

⁶⁰ Там же.

Социальная самоответственность созидания достигается не партийными декретами, но гражданским саморазвитием, самоорганизацией снизу. Последнее немыслимо вне демократии.

К 60-м годам XX столетия обнаружился предел модернизационной мощи социализма – отсутствие прорывов в научно-технической сфере, угасание трудового, культурного, общественного, производительного потенциала. Нечувствительность социума к вызовам времени, неинновационность являются системными показателями застоя. Что же мешало? Власть. Торпедиремая ею прививка демократических человеческих ценностей. Как всегда в таких случаях взялись за реформы: в рамках перестройки легализовали идеологию еврокоммунизма, принялись за обновление политосферы с позиций социалистического выбора вкупе с законностью, правами, свободами человека.

Николай II монархизм соединял с конституционизмом и парламентаризмом. Горбачев коммунизм соединял с демократизмом и гуманизмом. И там, и здесь – провал. Царизм не совместим с одним, коммунизм с другим.

Как в первом, так и во втором случае тщетно искать в починах державной мудрости. Несостоятельность прожектов обуславливается порочной тенденцией, не устраняя причину, лечить болезнь. Вся мера утопического максимализма нововводства и последнего бесцветного монарха и последнего бесцветного же генсека определяется дереализованностью. В пользу сказанного позволительно выставить доводы.

Плоскость онтологическая. И царская, и коммунистическая власть – неограниченная, самодержавная, черпает опору в авторитарно-патриархальной традиции, дискордантной традиции либерально-демократической. Если есть царизм, не может быть конституционизма и парламентаризма, базирующихся на представительстве свободно заявляемых интересов в легитимных институтах, где принимаются консенсуально взвешенные толерантные решения. Если есть коммунизм (в виде первой фазы), не может быть демократизма и гуманизма, базирующихся на свободе волеизъявления, персональном выборе, индивидуальном решении, удостоверяемых частной собственностью, гарантиями прав человека. Коммунистический этатизм же подчиняет лицо двояко: со стороны собственности – государство, а не человек, всесторонний ее владелец, пользователь, распорядитель; со стороны права – государство монополист на политику, что сказывается в ограничении демократических процедур, роспуске выборных институтов, подчинении

гражданских полномочий фиксированному вектору развития, отсутствию плюрализма, ликвидации, персонификации парламентского представительства.

Плоскость праксиологическая. Нельзя воплощать аксиомы (с позиций общественных инвариантов, фундаментальных социальных констант гражданское развитие маркируется чередой сдвигов в цепи: потестарность – политарность – абсолютизм (деспотизм, монархизм, цезаризм, бонапартизм, хунтизм, авторитаризм, тоталитаризм) – октроированный конституционизм – конституционизм – парламентаризм – республиканизм) вслепую, повелениями сверху.

Семена декретирования хорошо прорастают в российской почве. Скажем, источником крепостничества в XVIII в. был не личный договор крестьянина с господином, а государственный акт-ревизия: крепостным числился тот, кто «записан за известным лицом в ревизской сказке»⁶¹. Вроде бы одна запись, но за ней – гражданское состояние.

Высочайшим указом монарх предполагал насадить парламентскую свободу, генеральный секретарь демонтировать партийно-коммунистическую монополию. Один указ, а за ним – состояние. Казалось бы...

Когда дошло до дела, выявилось несообразие и царизма, и коммунизма; общественность потребовала в реформации идти дальше, – Николай II предпринял возвратные шаги (разгон Дум, третьеиюньский переворот); в аналогичное ретарде пустился Горбачев, всячески выгодная «социалистический выбор». Итог плачевен: на волне народного возмущения и один и другой кончили отречением.

Мораль проста. В XX в. ситуация изменилась – время октроированных свобод необратимо прошло. Декретированием сверху, минуя преобразовательную легитимацию снизу, вопросов умножения гражданских свобод не решить. Противовес импульсивным желаниям самодержцев – всесторонняя демократия, ничем не ограниченная народная воля, с коей и должно считаться государственное искусство, отсутствовавшее, как мы задним числом знаем, и там, и тут.

Хранитель здравого смысла народ, исключивший из политической техники:

– патернализм – как прагматическая ориентация сошел с социального поприща; перспективы гражданственности народ взял в свои руки;

⁶¹ Ключевский В.О. Цит. соч.– Т.V. – С.119.

– вождизм – после кровавого воскресенья, кровавого социалистического строительства, документально разоблаченного в перестройку, в России в два приема прошла «осевая революция», стимулировавшая сепарацию богов и людей, десакрализацию персоналий, элиминацию веры в царей и вождей.

В подобной ситуации требование нового путем декретирования *a'vol d'oiseau* попросту невозможно. Но этого не понимали ни монарх, ни генсек, относившиеся к общественной реформе как попечительному самовластью.

Что говорил Ключевский о правлении Екатерины II, можно высказать о правлении рассматриваемых фигурантов: такое правление – «та же деспотия, только смягченная приемами, европейски прикрашенными законами, которые не исполнялись, и учреждениями, которыми распоряжались лица»⁶².

Политическое новшество перестройки – альтернативная выборность – при охранительной партийной центрально-административной системе продлевала агонию. Продлевала ее и деятельность абсолютно архаичных и анахроничных вечевых органов власти советов, перерождавшихся в органы не народозаинтересованного управления, а пусто-порожней риторики (в первую очередь сказанное должно быть отнесено на счет съезда народных депутатов). Что положительного сделали советы эпохи перестройки, так это вытеснили КПСС из полномочных структур власти; непродолжительная соревновательность в выборах повлекла департизацию управленческих учреждений.

Стремление бывшей партбюрократии взять реванш, обратить вспять ток времени завершилось фарсом. Дело подытожил Ельцин, после августовского 1991г. путча ГКЧП поставивший на КПСС жирную точку. «Не спасется царь множеством воинства; исполина не защитит великая сила»⁶³, – объявленная вне закона, компартия бесславно покинула арену истории.

Покинули ее и выдохшиеся советы, последовательно эволюционировавшие от возникших в горниле революции 1905г. стихийных народно-вечевых структур власти к органам классового представительства и, наконец, к кастово-номенклатурным институтам. В сентябре 1993г. в стране произошел острый конфликт между исполнительной и законодательной властью. От одной выступал президент, от другой

⁶² Там же. – С.408.

⁶³ Псалтирь. – 32,16.

большинство съезда народных депутатов. Столкновение, конечно, имевшее субъективную подоплеку, персональное отягощение (идиосинкразия Ельцина к Хасбулатову и *vice versa*), тем не менее, неверно расценивать как недалёковидную, затратную, вызванную индивидуальными мотивами сшибку. Равным образом его неверно расценивать как противостояние либерально-демократического (олицетворяемого президентом) и консервативно-патриархального (олицетворяемого депутатами) начал. За поверхностью, внешней драматической вспышкой – пикировка разных субъектов власти, озабоченных собственным полномочием.

Для образования поистине библейских полчищ достаточные причины просматриваются. Примем во внимание: оба носителя власти вышли из КПСС, советского государственного строя; оба одинаково воинственно отрицательно относились к бездарному Горбачеву; оба выступали за демократический путь; оба имели собственную легитимную институциональную опору; оба претендовали на властную монополию⁶⁴.

Подобное враждует с подобным. Непричастность противоборствующих сторон диалогической культуре, неспособность проявить добрую волю, укротить и сократить непомерные и необоснованные амбиции осложняли интригу. Интрига же сама по себе, единосушно, как соотношение лиц и обстоятельств сложилась вполне независимо.

Съезд народных депутатов России формально стяжал всю полноту власти, но реально обнаруживал недееспособность. Президент реально обладал полнотой власти, но формально был ограничен в полномочиях. При милитантном заявлении намерений столь явный диссонанс существовать продолжительное время был не способен. Вопрос «кто кого» решился в пользу президента, неконституционно распустившего съезд (ср. с разгоном I и II Государственных Дум Николаем II) в сентябре 1993г. и силой захватившего Дом Советов (октябрь того же года). Логический досмотр произошедшего подводит к соображению: в результате насильственного обрыва несамодостаточной советской традиции (народно-демократическая ширма диктатуры партии) утвердилась конституционно-авторитарная (следствием упрочения президентского единовластия стало принятие новой Конституции, наделявшей первое лицо государства широчайшими монопольными полномочиями) традиция президентства.

⁶⁴ Также см.: Ахиезер А. и др. Цит. соч.– С.694.

Каждый из отечественных реформаторов-радикалов сталкивался с недостатком адекватных задач модернизации субъектов действия. Иван IV, Петр I, Сталин пестовали новую элиту. Александр I, Александр II, сетуя на судьбу, что «взять нечем», собирали единомышленников. Горбачев зашел в тупик, обнаружив, что для демократии в государстве нет ни готового населения, ни элиты. Со схожей проблемой столкнулся Ельцин, не нашедший в стране институциональных демократических страт. Вариант, им принятый, заключался в легитимации единоличной (авторитарной) власти за счет культивации олигархического самодержавия.

Период самодержавно-олигархический. Социальной базой советского самодержавия выступала бедность, неимущие слои, люмпен-группы. Ставка на бедность, насаждение бедности в качестве государственной политики, возведение нужды в добродетель, это – феномен. Такого нигде и никогда не было. Как говорил Столыпин, бедность – «худшее из рабств», подразумевая утрату способности к систематическому труду, граждански сбалансированного, ответственного поведения, консервирование цивилизационной отсталости, а потому – паушальную зависимость от дремучих непроизводительных комплексов.

Апелляция к низинам жизни через выпячивание недостижимости требовалась для передела собственности, узурпации власти, установления имитационно-правовой «управляемой демократии».

Желаемого удалось добиться в ничтожно короткий срок при сразу же введенной после октября политике военного коммунизма. У очевидцев происходившего в то время отсутствовала возможность дать точные дефиниции, довести мироощущение в движении мысли до понятийного присутствия. Между тем классовое чутье подсказывало: невзирая на тяжести жизни, самый остов, костяк существовавшего в 1918-1920 гг. строя был прекрасным, действительно коммунистическим, – «все было национализировано, частная собственность вытравлена, значение денег сведено к нулю ... вместо торговли по капиталистическому образцу – в принципе равное для всех распределение, получение материальных благ», осуществился социум, «намеченный К.Марксом в его «Критике готской программы». Нужно было только влить в него материальное довольство⁶⁵. Всего-то. Для последнего, собственно, развернули НЭП, отменили коммунистическую непосредственность – про-

⁶⁵ История Отечества в документах. 1917-1993 гг.– М., 1994. – С.11.

вели денационализацию, вернули чистую собственность, свободу торговли. С возвращением ценностей жизни не могли смириться, однако, коммунистические ортодоксы, воспринявшие НЭП как измену учению, отступление от линии октября. Еще на XII съезде РКП(б) (1923г.) Троцкий безапелляционно высказывался за продолжение военного коммунизма, страдая «рыночным дьяволом», риторически вопрошая: «Не придется ли нам каждую пядь нашей социалистической территории отстаивать зубами, когтями против центробежных тенденций частнокапиталистических сил»⁶⁶.

Не пришлось. Быстротечная мутация вскорости прервалась. Под разными предлогами НЭП свернули, заменили форсированным строительством социализма в конце 20-х. С тех пор борьба двух начал – индивидуализма и коллективизма; богатства и бедности; достижения и уравнительности красной нитью идет через нашу историю. При ухудшении ситуации актуализируют частный принцип (легализация рыночности в начале кризисных 20-х, 30-х, 50-х, середине 80-х); при улучшении ситуации его купируют.

Никогда не пекшийся об эффективном институциональном устройстве государственной власти Ельцин использовал массовые ожидания для укрепления собственной власти. Учитывая традиционную дефицитность существования просточеловека при социализме, Ельцин провел антикоммунистическую революцию, активизируя западные идеалы индивидуальной свободы (противовес всепроникающему тоталитарному государству) и потребления (модель индивидуально-семейного благосостояния в его западной редакции)⁶⁷.

Человек велик в замыслах, но немогущ в их осуществлении. Итог задуманного – величайшее надувательство. Народ не получил ничего. Ельцин – искомую социальную базу собственной единоличной власти. На подиум вышел новый субъект общественного социотворчества – опора самодержавного президентства – отечественная олигархия. Она могла образоваться вследствие нетривиального маневра – перераспределения (а) собственности (номенклатурная приватизация, экспроприация, институциональная, региональная коррупция); (б) власти (бюрократизация, редистрибуция полномочий).

⁶⁶ XII съезд РКП (б). Стенографический отчет. – М., 1922.– С.321.

⁶⁷ Подр. см.: Ахиезер А. и др. Цит. соч.– С.637.

Вопрос персональной перспективы был решен. Вопрос народной перспективы (ни по части развития индивидуальных свобод – оказалось: при тоталитарном патронажном государстве – большинству жилось лучше; ни по части консьюмерации – оказалось: большинству западный потребительский идеал запределен) решен не был. Когда это выявилось, произошла девальвация социальной стати первого республиканского президента, декларированного им эскиза будущего. К очередным выборам 1996г. рейтинг Ельцина упал до катастрофической 10% отметки. Спасла неприемлемость коммунистической альтернативы, позволившая президенту удержать власть во втором туре выборов.

Под влиянием лиц и условий, предоставления гарантий иммунитета, в 1999 г. Ельцин досрочно сложил полномочия, уступил державное место до того малоизвестному преемнику.

«Когда страна отступит от закона, тогда много в ней начальников; а при разумном и знающем муже она долговечна»⁶⁸. Согласно с притчей и поступил Путин, обозначивший противовес семибоярщине (разгулявшемуся олигархическому беззаконию) общегосударственным курсом борьбы с правовым безнарядьем, расхитительством, терроризмом. Народ принял образ попечительствующей власти-заступницы («Лучше плохой царь, чем семибоярщина»), позволивший политическому новичку утвердиться на отечественном державном олимпе в выборах 2000г.

Этим актом итожится XX век, где, используя фигуру Вебера, различные ценностные порядки отечественного мира находились в непримиримой борьбе.

При Николае II боролись с самодержавной властью.

При Львове, Керенском, Ленине боролись с неполнотой власти. (По утверждению Новгородцева, один связан с другим и третьим неразрывно. Львов так же повинен в Керенском, как Керенский в Ленине. Если сравнить этих деятелей революции, последовательно возглавлявших власть, по характеру их отношения к злему началу гражданской войны и внутреннего распада, то отношение представляется так. Система бесхитростного непротivления злу, примененная Львовым в качестве системы госуправления, у Керенского обратилась в систему потворства злу, прикрытого фразами о «сказке революции и

⁶⁸ Книга Притчей Соломоновых. – 28,2.

благе государства, а у Ленина – в систему открытого служения злу, облеченную в форму беспощадной классовой борьбы и истребления всех неугодных властвующим»⁶⁹).

При Сталине боролись с полнотой власти.

При Хрущеве боролись с пародией на власть.

При Брежневе боролись с имитацией власти.

При Горбачеве боролись с безвластием.

При Ельцине, Путине боролись за власть.

Царизм не пытался облагодетельствовать народ по причине любви к себе – монархическому эгоизму.

Большевизм не мог облагодетельствовать народ по причине любви к дальнему – революционному романтизму (Как отмечает Франк, «кто весь ушел в работу для отдаленного будущего, в облагодетельствование далеких, неведомых ему чуждых людей, родины, человечества, грядущего поколения, равнодушен, невнимателен и небрежен в отношении окружающих его и считает конкретные свои обязанности по отношению к ним, нужду сегодняшнего дня чем-то несущественным и незначительным по сравнению с величием захватившего его дела, – тот несомненно идолопоклонствует»⁷⁰).

Либерализм не способен облагодетельствовать народ по причине любви к касте – социальному элитизму.

Итак, XX многострадальный век – век отчаянных испытаний, неиспользованных шансов, неоправдавшихся надежд стал данью истории. Открылась новая страница жизни. Станут ли преобразовательные неудачи хроническим недугом существования, превратятся ли правительственные ошибки в технические навыки, дурные привычки последующих правителей?⁷¹ – наверное сказать невозможно. Возможно фиксировать векторы преимущественной грядущей эволюции.

XXI век лишь обретает формы. Каковыми они выкажут себя по последствиям, – неведомо. Однако волевые импульсы движения заданы. Об этом свидетельствуют исторические факты.

В интересующем нас разрезе отечественная власть занята извечным своим делом – собственным упрочением.

Серьезный анализ нельзя начинать с квалификаций. Квалификации должны не предварять, а завершать поиск. Тем не менее, логика

⁶⁹ Новгородцев П.Н. Соч.– М., 1995.– С.429.

⁷⁰ Вопросы философии. 1990. №6.– С.130.

⁷¹ См. Ключевский В.О. Цит. соч. – Т.IV. – С.174.

освоения темы требует как-то категоризовать анализируемое, подводить его под объемные группы.

В России исстари практиковались два типа правления:

– сословно-аристократический («царь указал, а бояре приговорили») – до Петра I;

– бюрократически-административный – до Путина.

Последним намечается очередной этап бюрократически-административной кратократии, относительно новыми опорными пунктами которой выступают олигархизм, псевдодемократизм, землячество, авторитаризм. Попробуем разобраться.

Тип правления, культивируемый Путиным, в самом точном смысле есть олигархическое самодержавие, псевдодемократический земляческий авторитаризм, отличный как от династического (царизм), так и советско-коммунистического самодержавия. Легитимирующими ресурсами его являются, с одной стороны, неограниченная власть, с другой стороны, Конституция. Сочетание данных трудно совместимых начал порождает оригинальный феномен – персонифицированную однопольную модель властвования «в условиях конституционно закрепленного разделения властей и их выборной легитимации»⁷². Социальное значение этого феномена задано осями:

– псевдодемократизм: власть выборна, но результаты выборов запрограммированы, предрешены; формально оппозиция есть (это уже не советско-коммунистическая ситуация, когда элита – в Кремле, а оппозиция – в тюрьме), реально она недееспособна (по социологическим данным в 2000г. необходимость действенной оппозиции признавали 47%, в 2004г. – 61% опрошенных);

– землячество: честь и чин воздают и дают не по заслугам, а вследствие места рождения. Если в удельные века понятие о политическом народе раскалывалось на представления о территориальных землячествах и общественных цехах, то теперь оно раскалывается по представлениям земляческой корпорации «питерцы – непитерцы» с приоритетом личной преданности, ревнивым, упрямым хранительством «нелюбия» к другому; при Петре I высшие офицеры «годны на все руки» – могли совмещать военную и гражданскую службу невзирая на наличие подготовки, теперь такую честь стяжают «питерцы»;

– авторитаризм: стоит только представить рычаги поддержания режима личной власти, чтобы не испугаться утверждения о реальности

⁷² Ахиезер А. и др. Цит. соч. – С.644.

при демократии мощной персонифицированной административной вертикали поверх общества. Самовластие фундируется:

(а) купированием претензий на политическую субъектность региональной элиты, лишенной возможности представлять земли в Совете федерации (изменение регламента регионального представительства на федеральном уровне позволило расширить землячество – проводить назначение ответственных лиц по соображениям nepoтизма. Скажем, профессор из Петербурга представляет в верхней палате Дальний Восток);

(б) маргинализацией непропрезидентских партий (повышение избирательного ценза, регламентация предвыборных кампаний, ограничения политических контактов оппозиции с населением), фактическим движением к партийной монокультуре;

(в) отменой прямых выборов губернаторов и президентов национальных республик; практическим назначением руководителей регионов;

(г) усилением контроля мест через институт представителей президента в федеральных округах;

(д) переходом на пропорциональную систему выборов в Государственную Думу (с ликвидацией депутатов-одномандатников) с опорой на административный ресурс (подчинение Кремлю «основных телевизионных источников информации», лишение «нелояльной оппозиции источников финансирования», ликвидация «политической субъектности крупного бизнеса»⁷³, гарантией большинства пропрезидентской партии (хотя сам президент надпартиен – властная модель Бисмарка, успешно использованная Ельциным) в парламенте);

(е) активностью президентской администрации – органа, никакими властными полномочиями Конституцией не наделенного, но, подобно аппарату ЦК КПСС в советское время, реально ими располагающего⁷⁴;

(ж) давлением на депутатов (скандал вокруг члена фракции «Единая Россия» А.А.Ермолина, возмутившегося обработкой народных избранников работниками Администрации Президента РФ);

(з) систематическим перетряхиванием властной пирамиды. Высшая бюрократия («политический народ») периодически перетасовывается, как колода карт. Для чего? Ответ дал еще Ключевский: в «куче

⁷³ Ахиезер А. и др. Цит. соч. – С.643.

⁷⁴ Там же. – С.641.

учреждений, возникавших в разное время, без общего плана, по указаниям и нуждам текущей минуты, было много путаницы и толкотни, изводилось много бумаги и времени, делалось немало административных грехов; но не слышно отзвуков политической борьбы. Во главе приказов большею частью ставились люди, которые заседали и в боярской думе, и там они были такими же послушными рутинными дельцами, как здесь являлись сдержанными лояльными советниками»⁷⁵. Не правда ли – знакомо. Грызлова, Васильева, Задорнова, Драганова, Крашениникова из исполнительной власти в законодательную. Жукова, Бооса из законодательной в исполнительную. Все дело в сохранении в стоячей воде отпущенных сил с трепетным совмещением в оных страха и уважения;

(и) приручением СМИ (пертурбации на НТВ, ТВЦ, ликвидация ТВ-6);

– олигархизм: «У нас все, что не от власти, то пугачевщина» (Вяземский), право преследования которой (точно ячейки терроризма) охватывает всю и всякую территорию. Чудовищные его призраки нависли над вновь испеченными набобами, в силу материального достатка (собственности) обретшими независимость от государства. Спокойная, неспешная обстоятельность отличает борьбу с этими созданными в антикоммунистической революции людьми новой гражданской породы, ввиду своей эмансипированности ставшими представлять опасность для власти. Вписавшихся в формат «равноудаленности» (Авен, Потанин, Дерипаска и др.) легализовали. Вставших на путь кооперации с властью (Абрамович, Хлопонин, Дарькин) рекрутировали в элиту. Иных (Березовский, Гусинский, Ходорковский) репрессировали. Это одна сторона дела. Другая заключается в сращении властного, промышленного, финансового капитала, выражающего, в терминах Ленина, своеобразную суть нового империализма. Под фирмой корпоративного управления проводится внедрение высших должностных лиц в руководство собственностью (в том числе через право собственности на закрепленные пакеты акций в стратегически важных компаниях) экономических субъектов постприватизационного периода.

Воодушевляющие возможности представления происходящего дает краткий перечень.

⁷⁵ Ключевский В.О. Цит. соч.– Т.II. – С.327.

Д.Медведев – бывший руководитель администрации президента РФ, первый вице-премьер правительства РФ – председатель Совета директоров «Газпрома» (30,1 млрд. дол. без «Роснефти»); ареал: добыча, транспортировка газа, нефтедобыча, электроэнергетика, медиа, страхование, банки.

И. Сенчин – заместитель руководителя администрации президента РФ, глава канцелярии, хранитель гостайны, председатель совета директоров «Роснефти» (5,4 млрд. дол.); ареал: добыча, переработка, сбыт нефти.

В.Сурков – заместитель руководителя администрации президента РФ, курирует вопросы внутренней политики, председатель Совета директоров «Транснефтьпродукт» (400 млн. дол.); ареал: транспортировка нефтепродуктов, строительство магистральных продуктопроводов.

Е. Школов – помощник руководителя администрации президента РФ, член Совета директоров «Транснефть» (4,1 млрд. дол.); ареал: транспортировка нефти, строительство нефтепроводов.

В. Иванов – помощник президента РФ (кадровая политика) – председатель совета директоров «Аэрофлота», «Алмаз-Антей» (2,19 млрд. дол.); ареал: авиаперевозки, производство средств ПВО.

И. Шувалов – помощник президента РФ по общенациональным проектам, член Совета директоров «Совкомфлот», «Российские железные дороги» (2,39 млрд. дол.); ареал: транспортные перевозки, транспортировка сжиженного природного газа, нефтепродуктов.

С. Приходько – помощник президента РФ по внешней политике, председатель Совета директоров «ТВЭЛ» (1,2 млрд. дол.); ареал: производство ядерного топлива для реакторов АЭС.

Как видно, олигархизм, инкорпорируя власть в чистые деньги, позволяет седлать магистральные финансовые потоки. Власть становится бизнесом. Удачно ли? По выводам экспертно-аналитического мероприятия счетной палаты, далеко нет. Деятельность представителей государства в органах управления акционерных обществ (к третьему кварталу 2001г. государство на федеральном уровне имело доли участия в 3949 предприятиях, обладая в 88 из них 100% акций, в 625 – от 50% до 99%, в 1939 – от 25% до 50% и в 1843 предприятиях – менее чем

25% акций; помимо всего государство являлось собственником «золотых акций» в 542 компаниях)⁷⁶, совершенством не отличается. Достаточно принять в расчет следующие обстоятельства.

1. У многих фигурантов нет надлежащего опыта работы (профессиональная некомпетентность) в подобных учреждениях.

2. Должностные перегрузки. Техническая невозможность контролировать деятельность компаний, расположенных в разных регионах, относящихся к разным отраслям (помимо исполнения своих прямых обязанностей на госслужбе).

3. Отсутствие стимулов к улучшению качества управления предприятиями (запрет на получение вознаграждения за управленческую деятельность). Однако же – не бывает ведь затраченный труд неоплаченным. Отсюда следует пункт 4.

4. Корыстное поведение представителей государства, санкционирующих «размывание» государственных пакетов акций, понижение их стоимости с помощью эмиссии.

5. Недобросовестная отчетность. Отчеты о проделанной работе значительная часть представителей государства не представляет. В представляемых же формальных документах даже не заполняется графа о начислении и перечислении в бюджет дивидендов на акции, находящиеся в федеральной собственности⁷⁷.

6. Не обеспечивается контроль за начислением дивидендов на государственную долю участия в акционерных обществах. Скажем, по итогам 1999 г. дочерними компаниями ОАО «Оренбургская нефтяная акционерная компания» начислены дивиденды в сумме 471349 тыс. руб., одновременно на долю участия компании в уставных капиталах дочерних структур за это время начислено всего 1582 тыс.р. Упущенная выгода, по оценкам СП, составила примерно 180 млн.р.⁷⁸

7. Передача государственных пакетов в доверительное управление назначаемым управляющим, которые открыто используют свои полномочия в личных интересах и в интересах аффилируемых групп⁷⁹.

⁷⁶ См.: Российская экономика в 2001 годы: тенденции и перспективы. – М., 2002. – Т.2.– С.205.

⁷⁷ См.: Протоколы Коллегии Счетной Палаты Российской Федерации. №25(138), п.27 от 17 июля 1998г.; №8 (200), п.3 от 10 марта 2000г.

⁷⁸ См. там же: Протокол №41 (233), п.1. от 15 декабря 2000г.

⁷⁹ Подробнее см.: Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы. – М., 2004.

Вернемся к нашим баранам. Верно, государство в России должно быть сильным, но почему самодержавным? Почему в который раз диктатура теснит демократию? Очередной отечественный казус обусловлен процессами: свертывание многопартийности; отмена прямых выборов в представительные учреждения; развертывание клиентельных отношений, конституирование правительством власти сословной (олигархической) номенклатуры, которая правит обществом посредством олигархического правительства; купирование гражданской самодеятельности снизу; десикация структур гражданского общества (в качестве главного амортизатора во взаимодействии государства и народа принят полуназначаемый паллиатив – Общественная Палата – послушное социальное орудие центрального управления); утрирование «личной преданности» в занятии должностей; подмена выборности назначением.

Остается в силе, таким образом, явление ленной системы: «кресло» опять начинает «стоять». Полномочия, причастность власти вначале «приобретаются» затем «оправдываются». При Сталине конترفосом коррупционных технологий был механизм радикальной волюнтарной перетряски элит. При Путине, сделавшем ставку на «землячество», подобный механизм излишен. Гомогенная элита (подбираемая администрацией президента) – «питерцы» - под гарантии «преданности» хозяину ставится на корм. Происхождение превращается в функцию (рекрутирование в элиту). Функция превращается в собственность (олигархизация управления). Реставрируется средневековый способ поведения на должностях, где последние получают «отталкивающий характер пресса для выжимания денег»⁸⁰.

В современной макросоциологической транскрипции происходящее значит: самодержавно-олигархическое наместническое владение. Учитывая отработанный порядок назначения, создания адептов, сажания преемников, с политической стороны транскрипция дополняется эпитетом «наследуемое». Именно так: наследуемое самовластное самодержавие.

Значение этого понятия тяготеет к двум полюсам:

– движущей силой государства остается династический (олигархический интерес), а не народное благо;

⁸⁰ Ключевский В.О. Цит. соч.– Т.IV. – С.146.

– правящим классом остаются не вольные гражданские, а дворовые (государевы) люди⁸¹.

В таком положении мы пребываем сейчас, будучи погружены в самодостаточный самодержавно-олигархический гражданский мир на базе вялотекущей консервативной стабилизации. Что дальше? Дальше – хорошая большая тема: будущее нации. Какой тип социальной организации открывает перспективы отечественному развитию?

Петр I, Сталин руководствовались моделью форсированной модернизации, отягощаемой тотальной милитаризацией, дедемократизацией, централизацией, иерархизацией. В наличный момент социальный путь через реставрацию подобных технологий невозможен. Главная ценность глобального общества – адаптированный, мобильный человек, взыскующий достижения, креативности, инновационности, интегрированности. Рычаг директивных администрирований для его насаждения не подходит. Иной субъект жизнеспособности требует иных начал обихожения социосферы. В противном случае модернизация захлебнется (подменится архаизацией).

Поскольку консервация социально-политического уклада потенциально и принципиально препятствует гражданской модернизации, а отсутствие последней сдерживает модернизацию производительную, возникает тлетворный тупик, выход из которого обозначается развитием нового качества жизни, питаемого не диктатурой, но демократией.

Две силы позволяют и сотрясать, и обихаживать общественные устои. И это суть – технология и идеология. По части первого Россия лишь встраивается в глобальные транзиты. В обозримом будущем прорывов отсюда не предвидится. По части второго Россия истари пыталась играть первопроходческую роль удивительницы-спасительницы человечества.

То византизм, то панславизм, то коммунизм.... Не хватит ли вползать в петлю близоруких умозрительных вымыслов? Ущербная идеология – все дело в ней. Коль скоро это так, нельзя более национальную историю подчинять историософии. Исканию «всеобщего спасения» (Бердяев) следует противопоставить искание «спасения отечества».

Увлекательной интриге отечественного пионерства всегда не достает валидных доказательств; – на том или ином витке исторических

⁸¹ Также см.: Ключевский В.О. Цит. соч.– С.385.

воплощений они подменяются «русским безудержием» (Степун) с развенчанием державных святынь, бросанием народа в качестве топлива на костер очередного «чего-то такого». С маской бесстрастности об этом рассуждать не пристало.

Самодостаточный мир державно-народного партнерства, сотрудничества налаживается свертыванием идеологического мифа «цивилизационной особенности» России. Как там у В.Соловьева: «наша вне-европейская или противоевропейская преднамеренная и искусственная самобытность всегда была и есть лишь пустая претензия: отречься от этой претензии есть для нас первое и необходимое условие всякого успеха»⁸².

Первое и необходимое условие успеха найдено. Второе и достаточное его слагаемое заключается в активном, направленном использовании мирового опыта социального устройства, абсорбируемого фундаментальными социальными константами (ФСК)⁸³.

В народно-государственном теле России, – указывает Г.В.Флоровский, – «имеются островки и оазисы и Европы и Азии» – не как «придатки», а как «живые члены единого тела»⁸⁴. Применительно к восстановлению или оформлению в России живой ткани народной гражданской жизни сие означает увязывание либерального порядка (европейское начало) с державной мощью (азиатское начало). Иначе говоря, мораль и желательность в нашей общественной практике требуют апеллировать к неким жизнеустроительным оптимумам, апробированным инвариантами, выражающим стиль, строй максимально отлаженного (сопоставительно с идеалами) существования, согласованного с императивами почвы (ареал самоутверждения народа). Скажем: демократический канон (максимальное вовлечение, волеизъявление, участие) социально универсален. Это – ФСК. Однако на масштабных пространственных контурах как тип социальной организации он должен быть скомпенсирован каноном оперативности управления. Так вырабатывается оптимальная стратегия, связанная с воплощением принципа минимакса, предписывающего участникам исторического процесса стремиться к наиболее достижительным, гарантийным, успешным линиям поведения в конкретных условиях.

⁸² Соловьев В.С. Собр. соч. – СПб., б. г. – Т.1. – С.284-285.

⁸³ Подробнее см.: Ильин В.В. Философия истории. – М., 2003. Он же: Аксиология. – М., 2005.

⁸⁴ Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Новый мир. 1991. №1. – С.206-207.

Новое общество упрочалось с разворачивания на Западе индустриальной революции, стимулировавшей переход от экстенсивной земледельческой к интенсивной промышленной культуре. С социально-политической точки зрения этот переход опосредовался сдвигом от абсолютизма к гражданскому обществу. На цивилизационной площадке того времени Россия, к несчастью, не играла. Ее ответ на фронтальный вызов Европы – самодержавное охранение.

Ситуация повторяется. Новейшее общество упрочается с разворачивания постиндустриальной революции, стимулирующей переход от индустриальных к информационным технологиям жизнеобеспечения. Социально-политической подкладкой их укоренения является дальнейшая демократизация. Перед нами случай, когда пути технологического и социального развития не расходятся: натурально, одно подстегивает другое.

Суть в том, что в современном динамичном мире с непредсказуемо быстро меняющимися технологиями государство единолично и единосушно не способно выступать агентом модернизации. Стратегическая негарантированность эффективности тех или иных починов исключает участие государства, реализующего крупногабаритные инвестиционные проекты в сфере высоких технологий, в качестве такового (агента) в силу серьезных рисков⁸⁵. Основным субъектом инновационной деятельности становится частный бизнес, помочь в реализации назначения которого государство может, лишь создавая максимально благоприятные предпосылки для инициативы⁸⁶. Но это и предполагает сознательное обращение к творчески плодотворному гражданскому состоянию демократии.

Злопамятность, не исчезая на расстоянии, позволяет квалифицировать как близорукие (если не говорить сильнее) действия отечественных самодержцев:

- Хрущева, свернувшего курс «оттепели»;
- Брежнева, погрузившего страну в беспросветный застой (прирост национального дохода с 1964г по 1982г. снизился с 9% до 2,6%; народное хозяйство столкнулось с проблемой дефицита рабочей силы, нехваткой трудовых ресурсов для освоения новых экономических зон);

⁸⁵ См.: Ахиезер А.С. и др. Цит. соч.– С.646.

⁸⁶ См.: Ясин Е., Яковлев А. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики. – М., 2004.– С.38.

– Горбачева, прервавшего страновую реформу консервацией ортодоксии;

– Ельцина, Путина, озадаченных выстраиванием олигархической вертикали власти с горизонталью самоуправленческого запустения.

Глобализация новейшего хозяйствования крепится на трех китах:

– дерегуляция внутренней экономической деятельности (начиная с финансовых рынков);

– либерализация международной торговли, инвестиций;

– приватизация компаний общественного сектора,

фундируемых «правами человека» (с задачей соблюдения которых не справился СССР, подписавший в 1975г. заключительный документ Хельсинского совещания глав государств по безопасности и сотрудничеству в Европе), «частной инициативой», «свободной конкуренцией», «соревновательностью», «гарантиями», – т.е. демократией.

В России гражданское наполнение демократических процессов сводится пока к полумере властного регулирования и администрирования через восстановление, как отмечалось, подобия ленной системы, института кормлений, присмотра за магистральными финансовыми потоками. Все это было. И чем завершилось, известно. Потому и для настоящего не теряют остроты (ранее нерешенные) проблемы:

– как быть конкурентоспособным (теперь уже в глобальной экономике);

– как обустроить народ, пока не интегрированный в глобальную экономику.

Не знаем, какие частные решения проблем предложит правительство, но точно знаем, что в общем их надо искать в русле не патернализма, этатизма, автократизма, но исключительно демократии.

Демократия с отрешенных доктринальных высот – концепт сложного свойства, выражающий объемное, эшелонированное социальное состояние, вся мера гражданской и персональной вместимости которого покрывается предикатами «инициативность», «защищенность», «раскрепощенность», «привольность». Сложность вопроса его (состояния) установления в житейском опыте предопределила неоднозначное отношение к нему как искомому. Далекое не у всех классиков общественно-политической мысли отработалось восприятие демократии как блага, потворствующего гражданскому росту. Сошлемся в данной связи лишь на:

- Платона: при демократии царит своеволие и беззаконие;
- Руссо: демократия возможна в обществе, состоящем из богов;
- Канта: демократия неизбежно есть деспотия;
- Шиллера: большинство – это глупость; разум всегда у немногих.

Не пускаясь в продумывание аргументов и допуская, что каждый критик обсуждаемого предмета по-своему и по существу, вероятно, прав, обратим внимание на способ выработки о демократии оценочного суждения. Бросается в глаза его (суждения) провоцированность идеалом. Вспомним: идеал есть «для разума прообраз всех вещей, которые как несовершенные копии заимствуют из него материал для своей возможности, и, более или менее приближаясь к нему, все же всегда бесконечно далеки от него, чтобы сравняться с ним»⁸⁷.

С позиций идеала, бесспорно, как форма правления демократия несовершенна. Несовременна даже, казалось бы, в столь традиционно решенной для себя проблеме, как права человека⁸⁸. Однако же, что при всей этой смете говорить о монархии, тимократии, олигархии, аристократии, иерократии, клептократии, геронтократии и т.д.?

Принимая шеллинговскую дистинкцию философии на негативную и позитивную, уточним: последняя выносит вердикт с позиций воплощения идеала. Когда мыслитель (критик) движется в фарватере богоуподобления «хочу того, что находится над сущим»⁸⁹, любая конкретная историческая форма может быть оспорена. Высокое моральное сочувствие подобной линии обеспечено. И только.

Отсюда, по исключению, правильно принять диспозицию негативной философии, судящей с позиций не идеала, а рефлексивного просмотра мира. Здесь нельзя не отдать должного глубине мотто Черчилля: «демократия – наихудшая форма правления, если не считать всех остальных».

Человечество «творит свою культуру, – отмечает И.Ильин, – неверным внутренним актом, из состава которого исключены сердце, совесть и вера»⁹⁰. Не будем высказываться по поводу творения культуры в целом. Но по поводу творения политической культуры скажем определенно. Политическое зодчество не может питаться ни «сердцем», ни «совестью», ни «верой». Как говорил Камю, «в ком есть благородство,

⁸⁷ Кант И. Соч.– М., 1964.– Т.3.– С.48.

⁸⁸ См.: Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1992.– С.483.

⁸⁹ Schellingiana rariora. – Torino, 1974.– S.671.

⁹⁰ Ильин И. Путь к очевидности. – Мюнхен, 1957.– С.8-9.

политикой не занимается»⁹¹. Политическое зодчество обязано питаться «потребностью», «интересом». Тогда оно будет не больным, а здоровым, не мнимым, а реальным.

Капитальный же источник здоровья, реализма в политическом зодчестве, - демократия, точнее всех прочих управленческих форм им («интересам», «потребностям») отвечающая.

Жить – значит делать выбор. Вне демократии его делают за нас. При демократии его делаем мы. Вне демократии «право каждого простирается так далеко, как далеко простирается определенная ему мощь»⁹². При демократии право каждого сообразно собственной мощи связывается коллективным правом. Как утверждал Милль, так называемое демократическое самоуправление «не есть такое правление, где бы каждый управлял сам собою, а такое, где каждый управляется всеми остальными»⁹³.

Демократия не означает правление всех (охлократия), она означает правление через заявление интересов всеми и каждым. В последнем – цимес данной формы социальности, стреножащей:

– радикализм: тактика «прямого действия» в анархо-синдикалистской редакции того же Сореля – «когда становишься на почву мира, тебе уже не грозит никакое критическое опровержение»⁹⁴;

– нигилизм: борьба за «разрушение существующего», бунтарская элиминация наличного позитива;

– схематизм: подгонка действительности под умозрение, – отечественный Сперанский вырабатывал принципы, которые не выносила жизнь, и уповал на народ и правительство, которые, по его понятию, должны (!) понять и принять их, сделав руководством существования;

– волюнтаризм: вириальное конструирование действительности с привкусом максимализма, – приснопамятный Хрущев, спрягавший небезызвестное «богатства польются полным потоком», в ходе процесса над Рокотовым ограничивал «мы в коммунизм с большой ложкой и вилок не пустим» (непосторонний вопрос: кто и как меру-то устанавливает?);

⁹¹ Камю А. Творчество и свобода. – М., 1990. – С.242.

⁹² Спиноза Б. Избр. произв. В 2 т. – Т.2. – М. 1957. – С.203.

⁹³ Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе. – СПб., 1882. – С.148.

⁹⁴ Sorel J. Reflexions sur la violence. – Paris, 1912. – P,49.

– апофатизм: дереализация, недоверие миру – уход из него в масках отречения, пьянства, странничества, гордыни, отшельничества, пустыничества, аскетизма;

– якобинизм: насильственное перекрытие реалий по революционно-авантюрным эскизам;

– идеализм: одиозная интенция превзойти прозу жизни, проскочить профанное устроительным прорывом. Реальное – онтологически ущербно, несакральное – игнорируемо, – столь скудный запас идей, концептуально закрепляющий любую превосходную форму общественного устройства, требует между тем незаурядного, стоящего выше всего, даже выше закона своего воплотителя. Засим концептуальный романтизм завершается. Начинается непритворное по точному разуму законов всех бичевание. По рецептам Угрюм-Бурчеева, который, начертивши прямую линию, замысливал «втиснуть в нее весь видимый и невидимый мир, и притом с таким непременным расчетом, чтоб нельзя было повернуться ни назад, ни вперед, ни направо, ни налево»; и притом сделавшись «благодетелем человечества»⁹⁵.

В политике печально отсутствие дееспособности, – вербальная обработка очевидностей в тривиальных казусах Керенского, Горбачева. Но не менее печально идеальное с чистой совестью прожектирование, неизбежно влекущее гражданское преступление. Точно по данному поводу – у Ремарка: «палачи и убийцы всегда делают свое дело... по идеальным соображениям, а значит, с отменно чистой совестью»⁹⁶.

То, за что превозносят демократию, следует помнить гораздо лучше того, что в ее случае вспоминать нежелательно.

В высокой обществоведческой доктрине, видимо, две проблемы, составляющие камень преткновения (аналогами их в точной науке выступают проблемы типа проблемы Гольдбаха, картановой проблемы, проблемы, покрываемой парадоксом Эйнштейна-Подольского-Розена и др.) непредвзятых исканий:

– проблема эффективной, гуманитарно оправданной (совместимой с правами человека) коллективной собственности (не беря в расчет экзотические варианты инициированных (тех же старообрядческих толстовских коммун) социальных структур);

– проблема отмирания (упразднения, ликвидации) государства.

⁹⁵ Салтыков-Щедрин Н. Сатирические романы и сказки. – М., 1987. – С.154-155.

⁹⁶ Ремарк Э.М. Земля обетованная. – М., 2003. – С.440.

До сих пор все надежды абстрактного социального конструирования связывались с допущением положительного их (проблем) решения: радужные виды на будущее прокламировались объективацией коллективизма и безгосударственности. С позиций социальной неонтологии, однако, выявилось: групповая собственность как базис жизнепорождения в хозяйственном отношении не эффективна (как подмечал Розанов, «воображать легче, чем работать: вот происхождение социализма»), в правовом отношении порочна; безгосударственность при вступлении человечества в фазу дефицитного мира, обострения соперничества за жизненные пространства, источники питания, энерго-, гидро-, био-, экоресурсы утопична.

Следовательно, идеалы обобществления, коллективной собственности на средства производства, реального народовластия, непосредственного общественного самоуправления несбыточны (с точностью до современного уровня тракторки и понимания). Но если в нашем мире лишь государство обеспечивает национальный интерес, как во внешней, так и внутренней сфере, какое противоядие и в чьем лице ему (государству) находится?

Альтернатива «этатизм – демократизм» снимается нами в пользу второй возможности.

С предельной ясностью выразим: институт демократии с позиций каким-то способом вводимых идеалов (не говоря, правда, о других формах государственного строя) несовершенен. Несовершенство сказывается в регламентах сочетания свободы и равенства как социально-политических ценностей. Нередко уязвимы неотделимые, неотчуждаемые права личности, не проводится принцип разделения властей (децентрализация власти в гражданских и культурных сферах), не инспирируется расширение участия масс в политической деятельности, провоцируется опасность раскола общества, недостижимость компромисса, имеет место манипуляция общественным мнением, сознанием граждан. Кроме того: непосредственная демократия как коллегиальный ресурс выработки прямых решений (плебисцит, референдум, митинг, собрание) затратна, неоперативна, манипулятивна; представительная демократия как способ делегирования полномочий вне явного участия фильтрует убеждения, часто предрешает (лоббируемый) выбор, нередко навязывает волю большинства меньшинству (могущим быть значительным), подрывает принцип автономии личности.

Все это так. Реальное народовластие (прямое самоуправление граждан) в нашем высоко институциональном, специализированном, бюрократизированном, профессионализированном мире невозможно. Но возможна корректировка народной волей инициатив правящих элит. Главное иметь контрафорс, исключить из арсенала устроительных технологий абсолютизм, деспотизм, авторитаризм, – беды, пороки, протори, перед которыми все отступает.

Свобода обретается в гарантиях, удостоверениях, правах, а не вымоганиях. Стержень адекватного социального строя – правооформленная конкуренция, конституционно закрепленные либеральные свободы, иррадиация полномочий, народно-выборная легитимация.

Сказанное навеивает: как гражданский принцип лишь демократия направляет в сторону общественно-полезной, социально сбалансированной деятельности, в рамках которой народ (а не, скажем, общественная палата) выбирает и контролирует власть.

И уж, конечно, вряд ли что-нибудь может быть более нежелательным для судеб нации, чем комбинация алтарь и трон, религия и монархия, активно пропагандируемая Флоренским, И. Ильиным и иже с ними. Как заблуждался «конкретный метафизик», «онтологический символист», третируя политическую свободу масс в государствах с представительным правлением⁹⁷. Спросим прямо: что лучше: демократия – или самодержавный абсолютизм (всех мастей) с отеческим «Все должно исходить отсюда» (так, указывая на собственную грудь, говорил Николай I, но мог говорить любой сатрап на державе)?

Пора понять: социально-политическая алеаторика канула в Лету, потенциал развития общества через волонтарную мобилизацию сверху (в чем, в общем, может преуспеть администрирование) безнадежно исчерпан. Если брать Россию, последнее выявилось еще к 70-м годам прошлого века. Теперь требуются новые ориентиры, нестандартные (для нашей политической истории) рычаги мобилизации воспроизводства жизни. Таковыми, как свидетельствует мировой опыт (агрегирующий ФСК), являются качества человеческого капитала – мобильность, адаптивность, инновационность, интегрированность, – питаемые социальной инфраструктурой (вовлечение, волеизъявление, участие через безопасность, образование, страхование, внутренний рост, гарантии) демократии. Социальное рабство нельзя более ставить на благо прогресса.

⁹⁷ См.: Флоренский П. Цит. соч. – С.97.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы. – М., 2004.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В Русском Переводе. – М.: «Новая Жизнь – Советский Союз», 1991.
3. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало. – М., 2005.
4. Гудков Л. Негативная идентичность. – М., 2004
5. Ильин В.В. Философия истории. – М., 2003.
6. Ильин В.В. Аксиология. – М., 2005.
7. Ильин И. О грядущей России. – Джорданвилл, 1991.
8. Ильин И. Путь к очевидности. – Мюнхен, 1957.
9. История Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Краткий курс. – М., 1953.
10. История Отечества в документах. 1917-1993 гг. – М., 1994.
11. Камю А. Творчество и свобода. – М., 1990.
12. Кант И. Соч. – М., 1964. – Т.3.
13. Каргин И.Ф., Немцев С.Н. Землевладение в междуречье Волги Оки: возникновение и развитие. – Саранск, 2004.
14. Ключевский В.О. Соч. в 9 тт. – Т. II. – М., 1988.
15. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических республик. – М., 1978.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1971. – Т.5.
17. Ленин В.И. Полн. Собр. соч. – Т.40.
18. Лесков Н.С. Соч. Т.3. – М., 1980.
19. Литературная учеба. 1991. №3.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1.
21. Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе. – СПб., 1882.
22. Новгородцев П.Н. Соч. – М., 1995.
23. Попов В.И. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). Сборник документов. – М., 1993.
24. Протоколы Коллегии Счетной Палаты Российской Федерации. №25(138), п.27 от 17 июля 1998г.; №8 (200), п.3 от 10 марта 2000г.; №41 (233) п.1 от 15 декабря 2000г.
25. Ремарк Э.М. Земля обетованная. – М., 2003.
26. Российская экономика в 2001 годы: тенденции и перспективы. – М., 2002. – Т.2.
27. Салтыков-Щедрин Н. Сатирические романы и сказки. – М., 1987.
28. Соловьев В.С. Собр. соч. СПб., б. г. – Т.1.
29. Спиноза Б. Избр. произв. В 2 т. – Т.2. – М., 1957.
30. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистко-ленинской теории права. – Рига, 1964.
31. Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1992.
32. XII съезд РКП (б). Стенографический отчет. – М., 1922.
33. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Новый мир. 1991. №1.
34. Чаадаев П.Я. Соч. – М., 1989.
35. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М., 1990.

36. Ясин Е., Яковлев А. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики. – М., 2004.

37. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. –Neuwied, 1969.

38. Schellingiana rariora. –Torino, 1974.

39. Sorel J. Reflexions sur la violence. –Paris, 1912.

В. Т. МАНУЙЛОВ

(Курск)

**КОНСТРУКТИВНОСТЬ МАТЕМАТИЧЕСКОГО И
ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ И
КОНСТРУКТИВНОЙ «ТЕОРИИ НАУКИ»***

Резюме

Рассматривается взаимоотношение аналитической и конструктивной традиции в философии науки на примере немецкой «теории науки» (Wissenschaftstheorie). Выявляется роль диалога в развитии научного и философского знания, устанавливаются виды диалогов в различных областях научного и философского знания.

Развитие науки вообще (и математики в частности) в XX веке характеризуется, прежде всего, распадом единого поля теоретизирования на три относительно самостоятельные, хотя и тесно взаимосвязанные области: (собственно) наука, философия и методология науки (эпистемология; philosophy of science; Wissenschaftstheorie) и (собственно) философия. Ситуация оценивается как «разрыв между наукой и философией»¹, «утерянная связь между естественными и гуманитарными науками»². Возникают проблемы демаркации, самоопределения, саморефлексии и взаимной рефлексии указанных областей, складываются характерные подходы в постановке и решении этих проблем. На рубеже третьего тысячелетия многообразие различных подходов достаточно четко укладывается в границы двух фундаментальных концепций: аналитической и конструктивной теории науки³.

Математика и философия дают два образца теоретизирования, переплетение которых образует качественную определенность, «своеобразное лицо» значительных этапов в развитии европейской духовной культуры. Не составляет исключения и современная ситуация: как в аналитической, так и в конструктивной философии науки значительная (если не решающая) роль отводится концепциям взаимоотношения философии и математики

Под аналитической философией науки мы понимаем здесь

* Работа выполнена при поддержке БРФФИ-РГНФ. Проект № 05-03-90300 а/Б.

¹ Ф. Франк. Философия науки. Связь между наукой и философией. – М.; ИЛ, 1960, – С. 38.

² Там же. – С. 44.

³ См., например: Konstruktionen versus Positionen. Bd I-II / Hrsg. von Lorenz K. – Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1979; Constructivism and Science/ Ed. By Butts R.E. and Brown J.R. – Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 1989.

традицию XX века, представленную, прежде всего, тремя наиболее значительными стадиями развития: эмпиризм («Венский кружок» – Карнап – Штегмюллер), рационализм (Поппер – Лакатос), историзм (Кун – Фейерабенд); конструктивная философия науки (*konstruktive Wissenschaftstheorie*) оформляется лишь в 70–80-х годах нашего столетия прежде всего в работах представителей «Эрлангенской школы» или «немецкого конструктивизма» (основатели П. Лоренцен, В. Камла). Как одна, так и другая концепция берет в качестве исходного пункта анализа математическое знание; многие представители этих школ профессионально занимались математикой или математической физикой; характерным для обоих направлений является ориентация на истолкование проблем философии науки как проблем философии языка. Однако аналитическая и конструктивная философия науки предлагают в принципе различные образы науки, а также пути, методы построения и обоснования научного знания. Это различие выражается терминами: «исследование» или «путь (метод) исследования» («*die Forschung*», «*the way of research*») – для аналитической философии науки, и «представление» или «путь (метод) представления» («*die Vorstellung*»; «*the way of representation*») – для конструктивной философии науки⁴.

Историко-философским истоком и ориентиром для аналитической философии науки служит Просвещение⁵, в области философии математики – Г. В. Лейбниц. Идеалом научного знания (в том числе и философии) для мыслителей этой эпохи служит математика в силу абсолютной безусловности, необходимости, достоверности (истинности), аналитичности ее положений. Подобным же образом в рамках аналитической философии науки в качестве образца науки рассматривается физико-математическое естествознание, принимаются тезисы об аналитичности математики, о редуцируемости математического знания к логике (принимаемой как теория множеств), о «бессмысленности метафизики» (Р. Карнап), о научной философии как анализе языка точными формальными средствами. «Путь исследования» методологически

⁴ См. термины: «*die Forschung*» и «*die Vorstellung*» – в статье: Wohlrapp H. *Analytischer versus konstruktiver Wissenschaftsbegriff // Konstruktionen versus Positionen. Bd. II. Allgemeine Wissenschaftstheorie / Hrsg. von Lorenz K. – Berlin; N. Y.: Bruyter, 1979. – S. 348-37; «the way of research» и «the way of representation» – в статье: Lorenz K. *Science, a rational enterprise? Some remarks on the consequences distinguishing science as a way of presentation and science as a way of research // Constructivism and science / Ed. by Butts R. E. and Brown J. R. – Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 1989. – P. 3-18.**

⁵ Lorenzen P. *Aufklärung und Vernunft // Lorenzen P. Konstruktive Wissenschaftstheorie. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1974. – S. 98-112.*

обеспечивается корреспондентской теорией истины в формализованных языках (А. Тарский), концепциями «третьего мира» и «эпистемологии без субъекта знания» (К. Поппер), «научно-исследовательских программ» (И. Лакатос), «научных парадигм» (Т. Кун), «методологического анархизма» (П. Фейерабенд).

Объединяющим принципом для всех ступеней аналитической философии науки является принцип абсолютной объективности научного знания, согласно которому научные теории, проблемы, гипотезы и т.д. являются «обитателями» особого «платонистского» мира, лишь «открываемого» исследователем так, как географ открывает новый материк (К. Гёдель). Субъект является лишь «исследователем», субъективное рассматривается как синоним неполного, ошибочного, одностороннего. Поэтому «историзм» аналитической философии неизбежно связывается с отрицанием ею закономерного развития научного знания; «рост научного знания» совершается «методом проб и ошибок»; история науки лишь убеждает «исследователя» в правомерности правила: «все позволено», или «делай, что хочешь» (П. Фейерабенд). Адекватным выражением аналитической версии обоснования математики является программа Гильберта.

Конструктивная философия науки видит свои истоки в немецкой классической философии (не случайно И. Канта называют «дедушкой немецкого конструктивизма»). К предшественникам «немецкого конструктивизма» относят, кроме того, Маркса, Дильтея, Гуссерля, Хайдеггера и т.д. – то есть тех мыслителей XIX–XX в.в., которые акцентировали внимание на человеческой практике, формах субъективной деятельности при анализе философских проблем науки. Кантовский «трансцендентальный» метод, диалектический метод Гегеля, диалектико-материалистический метод Маркса, феноменологический метод Гуссерля, современная философская герменевтика образуют ту «среду обитания», в которой формируется «немецкий конструктивизм». «Отцом немецкого конструктивизма» считается оригинальный мыслитель Г. Динглер, занимавшийся специально основаниями точных наук. Основатель «Эрлангенской школы» П. Лоренцен, начинавший свою научную деятельность как специалист-математик, сравнивает научное знание с судном в море: мы можем его усовершенствовать или переделывать только «доска за доской», все время пытаюсь оставаться

на плаву⁶. Философия науки должна представить этот процесс усовершенствования знания. Критерии науки как «представления» вытекают из возможных (потенциальных) процедур ученых и могут быть охарактеризованы двумя принципами: 1) принцип метода или непрерывности («представления» работают «без скачков»), и 2) принцип диалога.

В Лоренценовском обосновании математического знания используются оба метода (в виде «исчислительных» языковых слоев и «диалогического обоснования» логики и математики). При построении конструктивной теории социального знания используется уже только метод «диалогического обоснования»⁷.

Проблема взаимоотношения математики и философии тесно связана с проблемой гуманитаризации науки и научного образования. Известна, с одной стороны, решающая роль математического метода в формировании и развитии современной науки (высказывания Г. Галилея, И.Канта, К. Маркса и т.д.); с другой стороны, философия традиционно считается образцом гуманитарного знания. В истории западной культуры взаимоотношения математики и философии испытывают резкие колебания от полного слияния двух этих сфер познания (Платон: «Да не войдет сюда не знающий геометрии!»; Декарт: «Cogito, ergo sum»; Спиноза: «Этика», построенная по образцу геометрии; Лейбниц: понятие «метафизического дифференциала») до абсолютного их противопоставления (Кант, Гегель)⁸.

Как и в философии науки, в современных исследованиях по философии математики принято выделять три области (три уровня), различающиеся по способам построения и обоснования знания: 1) собственно математика; 2) философия математики (как часть философии науки); 3) собственно философия.

Основные «жители» первой области (собственно математики): теории, рассматриваемые как интерпретированные или неинтерпретированные («формальные») исчисления, строящиеся в формальных языках и проверяемые на выполнение определенных семиотических критериев

⁶ Lorenzen P. Constructive philosophy / Transl. by Pavlovic K. R. – Amherst: The Univ. of Massachusetts Press, 1987. – X, 291 p.

⁷ См., например, Lorenzen P. Lehrbuch der konstruktiven Wissenschaftstheorie. – Mannheim; Wien; Zürich: BI – Wissenschaftsverlag, 1987. – 331 S.

⁸ См., например, Мороз В.В. Философско-математический синтез: опыт историко-методологической рефлексии. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 308 с.

(непротиворечивости, полноты, независимости аксиом и т.д.). Во второй области («философия математики») происходит своеобразная «гносеологическая» (философская) интерпретация математических теорий и их «гносеологическое» (философское) обоснование. Основные «жители» этого уровня – концепции. На третьем уровне (собственно философия) основными «жителями» являются философские системы. В литературе по философии и методологии науки сейчас выделяют две основные концепции философии математики (и философии науки вообще): аналитическую и конструктивную. Первая, связанная с такими именами как Фреге, Карнап (и весь «Венский кружок»), Поппер, Кун, Фейерабенд, Штегмюллер, Гильберт, Тарский, Куайн и др., восходит к философским системам классического рационализма (Декарт, Спиноза, Лейбниц) и тяготеет к «техницистской» концепции обоснования математики, согласно которой обоснование математики – дело рук самих математиков. Вторая в лице представителей «немецкого конструктивизма» (П. Лоренцен, К. Лоренц, А. Камла и др.) видит своих предшественников в философских системах Канта («дедушка немецкого конструктивизма»), Гуссерля, Дильтея, Хайдеггера, в концепциях философии науки Витгенштейна, Динглера. Именно вторая концепция философии математики акцентирует внимание на гуманитарной (в современном смысле слова) компоненте математического знания.

Различие в методологических установках аналитической и конструктивной «теории науки» обуславливает и различие в концепциях конструктивности математического знания, сложившихся в каждом из этих направлений⁹. Исторически концепция конструктивности математического знания аналитической «теории науки» восходит к философии математики Г.В. Лейбница, конструктивной «теории науки» – к философии математики И. Канта.

Если в аналитической философии математики конструктивность связывается, прежде всего, с формализацией и компьютеризацией, то в конструктивной философии математики дополнительный к формализации и компьютеризации процесс гуманитаризации науки находит выражение в фундаментальной роли диалога при построении и обосновании

⁹ См. Мануйлов В.Т. Конструктивность как принцип обоснования научного знания // Философские науки, № 10, 2003. – С.104–121.

концепции конструктивности научного знания. Обнаружение принципиально диалогического характера «логики естественного языка» вновь направило усилия логиков и методологов научного знания на проблемы комплексного направления, получившего название «логика диалога»¹⁰. Представление дискурсивного процесса в виде игры-диалога двух участников (оппонента и пропонента¹¹) по четко фиксированным правилам позволяет выделить определенные типы аргументации, характеризующиеся игровыми и структурными правилами диалога.

Сравнение описанных в литературе диалогов позволяет выделить, по меньшей мере, три таких типа.

Первый тип: «научный» диалог («кабинетные» – в терминологии Я. Хинтикки – диалоги П. Лоренцена). Целью диалога здесь является установление истинности (обоснования) одного из двух взаимно отрицающих друг друга положений (тезис – антитезис). Тезис и антитезис должны быть записаны в формализованном языке логики (чаще всего в языке логики Фреге-Расселовского типа); правила нападения (атаки) и защиты формальны, то есть определяются строением формул, представляющих тезис и антитезис. Структурные правила такого диалога определяют однозначно выигрыш одного из участников диалога; выигрыш имеет место, если другой участник не может напасть на его положение (так как ранее сам утверждал его) или не может защитить свое положение от атаки противника. Содержательно эта ситуация равнозначна «приведению к противоречию», на основании чего делается вывод о победе конкурента и об истинности защищаемого им положения. Логика такого диалога – обычная классическая (или интуиционистская) формальная логика (рассудочное мышление, интеллект). Необходимым

¹⁰ См., напр.: Barth E.M., Krabbe E.C.W. From axiom to dialogue. – Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1982. – XL + 337 p.; Carlson L. Dialogue Games – D. Reidel Publ. Co., Dordrecht etc., 1983; Handbook of Philosophical Logic/ Ed. by D. Gabbay and F. Guenther – D. Reidel Publ. Co., Dordrecht etc. – Vol. I, 1983; vol. II, 1984; vol. III, 1986; vol. IV, 1989; The Logic of Dialogue// Synthese, vol. 63, № 3 June, 1985; Lorenzen P., Lorenz K. Dialogische Logik. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978, и др.

¹¹ Мануйлов В. Т. Исчисление и диалог как методы математической аргументации в «немецком конструктивизме»// Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Выпуск четвертый / Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – С. 29-46.; Мануйлов В.Т. «Конструктивное обоснование логико-математического знания в «немецком конструктивизме» // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Выпуск пятый / Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005.– С. 59-78

условием научного диалога является принятие обоими участниками определенных положений (аксиом) и одинаковых правил игры.

В «философском» диалоге участники придерживаются различных мировоззренческих позиций (установок). Целью диалога здесь является поиск компромисса, который понимается как принятие компромиссной позиции за счет развития своей системы. Участниками философского диалога могут быть только «открытые» системы, то есть системы, способные к развитию (синтезу противоположностей) за счет переинтерпретации своих исходных положений и противоречащего тезиса противника без отказа от принципиальных положений своей системы. Логика такого диалога – диалектическая логика или «логика герменевтики» (П. Рикер); такой диалог есть неременное условие синтеза крайне разнообразных и противоречащих друг другу систем культуры (цивилизаций, этносов и т.д.).

Третий тип диалога – «диалог в научной картине мира» – имеет целью выявление философских (гносеологических и др.) предпосылок научного знания. В естественнонаучной картине мира (физической картине мира в настоящее время) это, прежде всего, «трансцендентальный» диалог (в кантовском смысле термина «трансцендентальный»); логика этого диалога – «трансцендентальная» логика. Основные проблемы, решаемые с помощью таких диалогов, поставлены И. Кантом: «Как возможна чистая (теоретическая) математика?», «Как возможно чистое (теоретическое) естествознание?» и т.д.; они сводятся к вопросу: «Как возможны синтетические суждения *a priori*?». Исторические примеры «трансцендентальных диалогов» – «Диалог о двух системах» Г. Галилея – при становлении механистической картины мира; дискуссии Н. Бора и А. Эйнштейна по принципиальным вопросам физики – при становлении квантово-механической картины мира.

«Трансцендентальный» диалог начинается фиксацией противоречия (антиномией), а завершается установлением **дополнительности** двух сторон данного противоречия (то есть «разведением» частей противоречия по различным «мирам»). В гуманитарно-научной картине мира (философской картине мира) исходное противоречие устраняется за счет «развития» картины мира (через «отрицание и отрицание отрицания» или «герменевтический круг» – «герменевтическая спираль»: "hermeneutische Spirale" по выражению П. Лоренцена¹²).

¹²Lorenzen P. Lehrbuch der konstruktiven Wissenschaftstheorie. – Mannheim; Wien; Zürich: BI – Wissenschaftsverlag, 1987. – S. 306-308.

Принципиальное различие методов аргументации в естественных и гуманитарных науках обуславливает принципиальное несовпадение естественнонаучной и философской картин мира. Следствием такого различия является принципиальная невозможность изучения духовных явлений в физической картине мира XXI века – квантово-полевой картине мира (К. Вейцзеккер).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мануйлов В. Т. Исчисление и диалог как методы математической аргументации в «немецком конструктивизме» // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Выпуск четвёртый / Предисловие В. Т. Мануйлова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – С. 29-46.
2. Мануйлов В.Т. Конструктивное обоснование логико-математического знания в «немецком конструктивизме» // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сб. ст.: Выпуск пятый / Предисловие В. Т. Мануйлова. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005.– С. 59-78
3. Мануйлов В.Т. Конструктивность как принцип обоснования научного знания // Философские науки, №10, 2003.– С. 104-121.
4. Мороз В.В. Философско-математический синтез: опыт историко-методологической рефлексии. – М.: Изд-во МГУ, 2005.– 308 с.
5. Франк Ф. Философия науки. Связь между наукой и философией. – М.: ИЛ, 1960.– 543 с.
6. Barth E.M., Krabbe E.C.W. From axiom to dialogue. – Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1982. – XL + 337 p.
7. Carlson L. Dialogue Games – D. Reidel Publ. Co., Dordrecht etc., 1983.
8. Constructivism and Science / Ed. By Butts R.E. and Brown J.R. – Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 1989.
9. Handbook of Philosophical Logic/ Ed. by D. Gabbay and F. Guenthez – D. Reidel Publ. Co., Dordrecht etc. – Vol. I, 1983.–Vol. II, 1984.– Vol. III, 1986.– Vol. IV, 1989.
10. Konstruktionen versus Positionen. Bd. I-II / Hrsg. von Lorenz K. – Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1979.
11. The Logic of Dialogue // Synthese, vol. 63, № 3 June, 1985.
12. Lorenz K. Science, a rational enterprise? Some remarks on the consequences distinguishing science as a way of presentation and science as a way of research // Constructivism and science / Ed. by Butts R. E. and Brown J. R. – Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 1989. – P. 3-18.
13. Lorenzen P. Aufklärung und Vernunft // Lorenzen P. Konstruktive Wissenschaftstheorie. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1974. –S. 98-112.
14. Lorenzen P. Constructive philosophy / Transl. by Pavlovic K. R. – Amherst: The Univ. of Massachusetts Press, 1987. – X, 291 p.
15. Lorenzen P., Lorenz K. Dialogische Logik. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978.
16. Wohlrapp H. Analytischer versus konstruktiver Wissenschaftsbegriff //Konstruktionen versus Positionen. Bd. II. Allgemeine Wissenschaftstheorie / Hrsg. von Lorenz K. – Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1979. – S. 348-377.

В.В. Мороз
(Курск)

КОНСТРУКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ: ФИЛОСОФСКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ В УЧЕНИИ НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО*

Резюме

Статья посвящена реконструкции версии философско-математического синтеза в учении Николая Кузанского, реализуемой во введении в рассуждение философско-теологического характера дополнительного математического плана, параллельного плану метафизическому и выступающего в роли разъясняющей, «наглядной» модели для этого рассуждения. Используемые при этом математические конструкции служат специфической моделью, позволяющей «схватить» в созерцании принципиально не созерцаемый предмет рассуждения (например, бесконечный мир) в виде математического образа. В статье делается вывод, что вариант философско-математического синтеза Николая Кузанского представляет особый способ рассуждения, в котором элементы математического знания участвуют в раскрытии вопросов философского характера, тем самым способствуя прояснению этих вопросов и их творческому усвоению.

Николай Кузанский занимает в истории философии исключительное место. Будучи представителем раннего Возрождения, он чутко воспринял наследие антично-средневековой метафизики и предвосхитил главные черты философии Нового времени. Творчество мыслителя из Кузы явилось своеобразным сочетанием философских идей античности и христианского миропонимания. Поэтому характеристику предложенного Николаем Кузанским варианта философско-математического синтеза следует предварить кратким описанием основных особенностей эпохи средневековья, отразившихся в его концепции.

Своеобразие средневековой эпохи в истории европейской культуры заключается в том, что ей удалось соединить в себе две мощные культурные струи: одна шла от античности, другая – от христианства, явившегося ее духовным источником и фундаментом.

Перед умственным взором человека христианского средневековья стояла цель, наполнявшая смыслом все его существование, – прибли-

* Работа выполнена при поддержке БРФФИ-РГНФ. Проект № 05-03-90300 а/Б.

зиться к Богу, быть достойным его. Путь к этой цели лежал через постижение истин христианства, и только в связи с этим была оправдана познавательная деятельность, о чем свидетельствуют слова Фомы Аквинского: «Человек соотнесен с Богом как с некоторой своей целью».¹ Физически зримый космос утратил самоценность и подчинялся мистическому миру духовных сущностей. «Наука о природе имеет своим предметом невидимые причины видимых вещей», – утверждает Викентий из Бовэ.² Но эти невидимые причины не числовые структуры античного космоса, а догматически зафиксированные положения сверхчувственного мира.

Каковы же культурные доминанты эпохи Средневековья? «Символизм и иерархизм – такова формула средневекового мировоззрения, и такова формула всей средневековой культуры, – отмечает П. Бицилли в своей книге «Элементы средневековой культуры». – Средневековье создало символическое изобразительное искусство и символическую поэзию, создало богатый исключительно сложной и тонко разработанной символикой религиозный культ и философию, сводящуюся к постижению и раскрытию символического значения окружающей действительности».³

Дионисий Ареопагит в своем сочинении «О небесной иерархии» утверждает, что ум человеческий не способен непосредственно воспринимать Божественное. И культура создает ряд символов – знаков, имеющих строго определенное значение: «Ибо ум наш не иначе может восходить к близости и созерцанию небесных Чинов, как при посредстве свойственных ему веществ руководства, то есть признавая видимые украшения отпечатками невидимого благолепия; чувственные благоухания – знамениями духовного раздаяния даров; вещественные светильники – образами невещественного озарения, ... принятие Божественной Евхаристии – общением с Иисусом; кратко: все действия, принадлежащие небесным существам, по самой их природе, нам преданы в символах».⁴ Данная трактовка символа ориентирует на отыскание бесконечного в конечном, вечного во временном, направляет сознание за «скорлупу вещей» и «кожу материи». Однако сознание не просто

¹ Боргош Ю. Фома Аквинский. – М., 1975. – С. 14.

² См.: Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. – СПб., 1907. – С.542.

³ Бицилли П. Элементы средневековой культуры. – Одесса, 1919. – С. 4.

⁴ Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. – М., 1994. – С.5.

трансцендирует себя, как это бывает в стихийных экстатических состояниях, а строго направляется в область, определенную содержанием вероучения и выраженную в догматике.

Христианское средневековье не только вообразало мир символически, но так его и воспринимало. Структурированное таким образом мышление выработало и соответствующий метод – толкование (*exegetica*). Умственная деятельность этой эпохи выливается в форму символического мышления в богословии и философии, в математике и в изложении исторических событий, в простом размышлении и гадании о будущем. Символическое истолкование рассматривается как метод нахождения истины, и символизирующее мышление дает интеллектуальное удовлетворение и ощущение раскрытия тайн мира. А так как оно ориентировано религиозно, то и сопровождается ощущением священного и мистического.

Символизм мышления приводил к весьма важным последствиям. Благодаря ему в мире все оказывалось тесно связанным, сплетенным друг с другом, прилаженным одно к другому. Й. Хейзинга в своих исследованиях особенно подчеркивает значение экзегетики в средневековой культуре: «Жизненная ценность символического толкования всего сущего была безграничной. Символизм создал образ мира, более строгий в своем единстве и внутренней обусловленности, чем это было способно сделать естественнонаучное мышление, основанное на причинности. Он охватил своими крепкими объятьями и природу, и историю. Он создал в них нерушимый порядок, архитектурное членение, иерархическую субординацию... Символический подход дает то упоеание мысли, ту дорационально-мистическую расплывчатость границ идентификации вещей, то сдерживание рассудочного мышления, которые возводят понимание жизни до его высочайшего уровня».⁵ Многовариантность толкования текста была средством, позволяющим увидеть Истину.

Средневековье, взяв от античности не только камни ее храмов для своих соборов, но и идею числа пифагорейско-платонической традиции, сумело своеобразно освоить эту идею, реализовать ее в мистике. Для пифагореизма важен поиск числовых закономерностей, для «сакральной арифметики» средневековья – мистико-символические связи.

⁵ Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах. – М., 1988. – С. 225-226.

А.Я. Гуревич в своей книге «Категории средневековой культуры» показывает, чем была математика для средневекового сознания: «В средние века существует математика и, следовательно, язык математических символов. Но эти математические символы вместе с тем символы богословские, ибо и сама математика длительное время представляла собой «сакральную арифметику» и служила потребностям символического истолкования божественных истин».⁶

Следовательно, язык математики не был самостоятельным, – он являлся скорее «диалектом» более всеобъемлющего языка христианской культуры. Число было существенным элементом эстетической мысли и сакральным символом, мыслью Бога. Августин выделял среди всех искусств диалектику («для разрешения вопросов») и арифметику («для разъяснения аллегорических тайн») для правильного прочтения Библии. Гуго Сент-Викторский в своей книге *Exegetica* кодировал пути, по которым мистические числа в Писании могли быть символически осмыслены.⁷ Алигьери Данте оставил нам прекрасный образец «сакральной математики» в своей «Божественной комедии», структурно пронизанной божественной ритмикой мистических чисел. Числовая гармония божественного космоса была значительно более важной идеей, чем точные вычисления, хронологии, меры веса и объемов.

«Сакральная арифметика» достигает своего высочайшего развития в астрологии, ставшей одной из ипостасей математики. Магия, алхимия, астрология были не лженауками, а частями средневековой мудрости. Научные знания как средство астрологического исследования позволяли обнаружить важные природные закономерности, подыскивать формы их теоретического осмысления. Но все это, безусловно, питалось мощными токами символотворчества, все это естественным образом входило в область «сакральной математики». Однако, достигнув своего высочайшего уровня, «сакральная математика» эвристически изживает себя, она лишает исследователя выхода к миру: «Восприятие мира достигло состояния покоя – словно собор, залитый лунным сиянием, внутри которого мысль могла наконец погрузиться в сон».⁸

Для реконструкции философско-математического синтеза Николая Кузанского важно отметить следующее. В культуре христианского

⁶ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972. – С.12.

⁷ См. Murray A. Reason and Society in the Middle Ages. – Oxford, 1978. – P.30.

⁸ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972. – С. 234.

средневековья взаимосвязь философии и математики прослеживается на уровне познания божественного, основной формой которого явилась экзегетика. Цель ее – правильное прочтение Священного Писания, где Истина уже дана. Философия оперирует словами, математика – знаками, но и слова, и знаки суть символы, описывающие Божественный универсум. Символизм пронизывает и ту часть математики, которую условно можно назвать «позитивной» (в ее русле работали Герберт, Леонардо Пизанский, Иордан Неморарий, Роджер Бэкон, Т. Бравардин). Трактаты Кузанского, посвященные квадратуре круга, проблеме бесконечности, уточнению числа π , можно отнести к указанному направлению. Эта сторона математики дает мощные победы в новую культурную эпоху – эпоху Возрождения.

Идея о двойном предназначении человека, о самоценности его земной жизни, выраженная еще в «Божественной комедии» А. Данте и развитая в произведениях Ф. Петрарки, предвосхитила главную мировоззренческую установку Ренессанса – гуманизм. Человек как творение Бога представлял теперь способным совершать добродетельные поступки благодаря воспитанию и самовоспитанию, путем образования и в результате упорного труда, работы души, в том числе и в процессе изучения гуманитарных дисциплин – *studia humanitatis*. Более глубокое понимание идеи гуманизма воплотилось в поиске метафизических оснований для признания самоценности земной жизни, что приводило к вопросу о положении человека в космосе, о его физических и смысловых связях с мировым целым. Эта проблема становится центральной в творчестве Николая Кузанского.

Личное знакомство с некоторыми гуманистами, увлечение античной литературой, побудившее Кузанца изучать греческий язык, оказали влияние на направление, метод и стиль его философствования. Все перечисленные черты отражены в важнейшем труде мыслителя «Об ученом незнании». В главе 11 «О том, что математика лучше всего помогает нам в понимании разнообразных божественных истин» Кузанский вслед за Дионисием Ареопагитом утверждает, что «видимое поистине есть образ невидимого» и Творца «можно увидеть по творению как бы в зеркале и подобии»; в этом коренится «возможность символически исследовать сами по себе непостижимые для нас духовные вещи».⁹

⁹ Николай Кузанский. Об ученом незнании//Николай Кузанский. Сочинения: в 2-х т. – Т.1. – М., 1979. – С. 64

Далее мыслитель предлагает использовать математические образные средства как орудие метафизического познания, обосновывая выбор «наглядностью» и «устойчивостью» объектов математики: если же «разыскивание ведется все-таки исходя из подобий, нужно, чтобы в том образе, отталкиваясь от которого мы переносимся к неизвестному, не было по крайней мере ничего двусмысленного, ведь путь к неизвестному может идти только через заранее и несомненно известное. Но все чувственное пребывает в какой-то постоянной шаткости ввиду изобилия в нем материальной возможности. Самыми надежными и самыми для нас несомненными оказываются, поэтому, сущности более абстрактные, в которых мы отвлекаемся от чувственных вещей, – сущности, которые и не совсем лишены материальных опор, без чего их было бы нельзя вообразить, и не совсем подвержены текучей возможности. Таковы математические объекты»; поэтому «если приступить к божественному нам дано только через символы, то всего удобнее воспользоваться математическими знаками из-за их непреходящей достоверности».¹⁰

В приведенных отрывках явно выражен синтез средневекового символизма и платоновской трактовки природы математических объектов и места математики в познании истины.

В следующей главе Кузанский напоминает, что использование математики в целях теологии является своего рода традицией святых отцов.¹¹ Мы, в свою очередь, отметим, что математические элементы служили образцами философских рассуждений еще в античности. Так, ряд высказываний Гераклита Эфесского построены по принципу геометрической пропорции, например: «Взрослый муж слывет глупым у бога, как ребенок у взрослого мужа»¹². Если обозначить выражение «бог» за a , «взрослый муж» – за b , а «ребенок» за c , то получим пропорцию: $b/a=c/b$. Такой же прием использовался позднее немецким мистиком Майстером Экхартом в утверждении: «Вселенная в сравнении с Богом есть то же, что ничто в сравнении со вселенной. Совокупность сущего есть как бы среднее между Богом и ничто».¹³ В приведенных случаях

¹⁰ Николай Кузанский. Указ. соч. – С. 64-66.

¹¹ Там же. – С. 66.

¹² См.: Фрагменты ранних греческих философов. Изд. А. В. Лебедева. – М., 1989. – С. 147.

¹³ Майстер Экхарт. Толкование на Евангелие от Иоанна. Цит. по: Николай Кузанский. Об ученом незнании//Николай Кузанский. Сочинения: в 2-х т. – Т.1. – М., 1979. – С.467 (примечание к с. 100).

геометрическая пропорция служит своего рода «парадигмой иерархии».

В шестой книге «Государства» Платон использует пропорцию иного вида, которую можно назвать «парадигмой сопоставления»: «Мнение относится к становлению, мышление к сущности. И как сущность относится к мнению, так познание относится к вере, а рассуждение – к уподоблению».¹⁴ Интересный прием математического понятия для прояснения философской мысли предлагает Парменид. Согласно его учению, бытие целокупно (т.е. не состоит из множества частей), единично и определено, законченно и совершенно; «нет нужды, чтобы вот тут его было больше или меньше, чем вот там»; «равное самому себе со всех сторон оно однородно внутри границ». Бытие надо мыслить «похожей на глыбу совершенно-круглого шара» («подобным цельной массе хорошо закругленного шара»)¹⁵ Именно образ геометрического шара подводит итог рассмотрению свойств бытия и показывает, как нам мыслить это бытие в единстве. Следует отметить, что понятие-образ шара не тождественно парменидовскому бытию и не относится к нему как к эмпирическому предмету – оно помогает мыслить наглядно свойства бытия. И это не «дань мифологическим вымыслам», как утверждает Симпликий.¹⁶ Именно симметричность шара, а не сам шар, выступает как модель совершенного и самодостаточного бытия.

Николай Кузанский в своих философских рассуждениях использует геометрическую пропорцию как «парадигму сопоставления». Примером служат его высказывания: «как Бог есть творец реальных вещей и естественных форм, так и человек – творец логического бытия и искусственных форм», «как Бог развертывает из себя все многообразное богатство природных вещей, так и человеческий ум развертывает понятия, свернутые в нем».¹⁷

Однако существенно новым, что вносит Николай Кузанский в использование математики в метафизических целях, является осознание целесообразности и учет динамических возможностей геометрических

¹⁴ Платон. Государство//Платон. Собрание сочинений в 4-х т. – М., 1994. – Т.3. – С. 318 (VII, 534b).

¹⁵ См.: Фрагменты ранних греческих философов. Изд. А. В. Лебедева. – М., 1989. – С. 290-291, 25-26.

¹⁶ Там же. – С. 277.

¹⁷ Николай Кузанский. Об ученом незнании//Николай Кузанский. Сочинения: в 2-х т. – Т.1. – М., 1979. – С.46.

понятий, и активное их внедрение для прояснения философских и теологических идей. В главе 12 мыслитель описывает свой метод: желая приступить к «Божественному» через математику, в которой «все конечно», надо, во-первых, рассмотреть конечные математические фигуры вместе с претерпеваемыми ими изменениями и их основаниями; потом перенести эти основания на такие же фигуры, доведенные до бесконечности; в-третьих, возвести эти основания бесконечных фигур еще выше, до простой бесконечности, абсолютно отрешенной уже от всякой фигуры. Только тогда наше незнание непостижимо осознает, как нам, блуждающим среди загадок, надлежит правильное и истиннее думать о наивысшем». ¹⁸

Далее Кузанский проясняет метафизическую мысль, что Бог как «абсолютный *maximum* поднимается бесконечно выше любого противоположения» следующей геометрической моделью: «...надо рассмотреть на конечной линии, что заключено в возможности конечной линии; поскольку все, чем конечная линия является в возможности, бесконечная линия есть в действительности». ¹⁹ Мыслитель математически наглядно показывает, что качественно различные и в этом смысле противоположные круг конечного радиуса и отрезок при устремлении к бесконечности (путем бесконечного увеличения радиуса окружности и длины отрезка) совпадают. Подобным образом Кузанский проясняет другие философские и теологические мысли: о единстве путем перенесения «бесконечного круга на единство», о божественном проведении, «соединяющем противоположности», об актуальности божественного бытия и т.д.

С помощью введенного метода своеобразного математического моделирования Кузанский объясняет смысл ученого незнания: «Наш конечный разум, двигаясь путем уподоблений, не может в точности постичь истину вещей. Ведь истина не бывает больше или меньше, она заключается в чем-то неделимом и, кроме как самой же истиной, ничем в точности быть измерена не может, как круг, бытие которого состоит в чем-то неделимом, не может быть измерен не-кругом. Не являясь истиной, наш разум тоже никогда не постигает истину так того, чтобы уже не мог постигать ее все точнее без конца, и относится к истине, как многоугольник к кругу: будучи вписан в круг, он тем ему подобнее, чем

¹⁸ Николай Кузанский. Указ. соч. – С. 66; 72.

¹⁹ Там же. – С. 72.

больше углов имеет, но даже при увеличении своих углов до бесконечности он никогда не станет равен кругу, если не разрешится в тождество с ним».²⁰ Таким образом, ученое незнание есть процесс восхождения к истине путем непрерывного углубления понятий о ней, никогда не завершающийся, так как человеческий ум несоизмерим с Божественным бытием, подобно тому, как мера многоугольника никогда не сравняется с мерой круга. Вписанный многоугольник, стремящийся совпасть в кругом – символ ученого незнания.

Ученое незнание есть осознание структурной диспропорции между конечным человеческим разумом («мерой прямоугольника») и бесконечностью («мерой круга»), в которую он включен и к которой стремится. Конечный разум приближается к бесконечному Богу, постигая Его как единство противоположностей. Конечные же вещи должно рассматривать как связанные с целым, с бесконечностью. Каждая вещь, в том числе и человек, выступает как содержащая в свернутом виде весь мир, как микрокосм. Но человек является микрокосмом и на другом уровне. Обладая разумом и сознанием, он включает в себя образы всех вещей, как действительных, так и возможных, – человек предназначен для творчества.

«Поистине видимое есть образ невидимого», – утверждает Кузанский и, рассматривая вслед за Платоном математические объекты как онтологические сущности, занимающие промежуточное положение между чувственно воспринимаемым и умопостигаемым и потому обладающие специфической «наглядностью», видит в них богатейший познавательный потенциал в раскрытии вопросов о бесконечности Творца и Вселенной, об ученом незнании как высшей форме теоретического разума и т.д.

Метафизические отношения не обладают собственной наглядностью, в отличие от математических отношений. Сопоставление их есть попытка переноса, проекции непосредственной наглядности (а вместе с ней и убедительности) из математических моделей в метафизические рассуждения. Возникает проблема законности такого «математического моделирования» в философии. Выделим несколько подвопросов указанной проблемы и постараемся их раскрыть.

²⁰ Там же. – С.53.

(1) Возможно ли «математическое моделирование» как некоторый риторический прием, повышающий убедительность философских построений? Вполне, если поставленная цель (повышение убедительности) при этом достигается.

(2) Возможно ли «математическое моделирование» как эвристический прием? Да, если он эффективен в прояснении некоторого метафизического отношения и может даже «провоцировать» рождение новых идей.

(3) Возможно ли «математическое моделирование» как философский метод? Этот вопрос сводится к «вечным» вопросам философии математики: является ли математика открытием законов бытия или она есть человеческое изобретение, если она есть изобретение, то насколько предлагаемый ею метод адекватен предмету исследования, каков онтологический статус математических объектов и т.д.

Реконструированная версия философско-математического синтеза Николая Кузанского позволяет выявить метод взаимодействия философии и математики в его учении. Используя временную динамику пространственных конструкций, мыслитель предлагает конкретный механизм использования математической модели в контексте метафизического рассуждения, а именно, вводит в это рассуждение дополнительный математический план, параллельно плану метафизическому, так, чтобы составляющая этот дополнительный план математическая модель выступала в роли образца, наглядной схемы метафизической ситуации.

Необходимо отметить, что сопоставление философского и математического плана имеет исключительно качественный характер. Далее, ему свойственна фрагментарность, то есть для сопоставления используются лишь малые фрагменты математической теории, которые подбираются вне всякого метода, то есть непосредственно к определенному случаю. Тесно связанные между собой фрагменты философского плана могут моделироваться совершенно разрозненными объектами или фрагментами математической теории.

Версия философско-математического синтеза Николая Кузанского представляет особый интерес еще и потому, что мыслитель использует очень простые математические объекты, известные любому школьнику. Многоугольник, вписанный в круг, служит у него иллюстрацией ученого незнания, то есть конечный человеческий разум, стремясь совпасть с божественным разумом, не может этого сделать, ибо мера многоугольника никогда не может совпасть с мерой круга. Мера многоугольника, мера круга – простые математические понятия,

с помощью которых проясняются сложнейшие философские идеи о соотношении конечного человеческого разума и объекта его исследования – бесконечного мира.

Итак, Николай Кузанский, будучи ярким представителем софийного типа философствования и продолжателем пифагорейско-платонической линии понимания математики, предложил вариант философско-математического синтеза как особого способа рассуждения, в котором элементы математического знания (понятия, теоремы и пр.) участвуют в раскрытии вопросов философского характера, тем самым способствуя прояснению этих вопросов и их творческому усвоению. Этот способ рассуждения можно рассматривать как своеобразное «математическое моделирование» в философско-теологической области, состоящее во введении в метафизическое рассуждение дополнительного математического плана, выступающего в роли разъясняющей, «наглядной» модели для этого рассуждения.

Несмотря на то, что крайняя индивидуальность стиля Николая Кузанского, провинциальность его латыни и обособленность его онтологии привели к тому, что он не был вполне понят своими ближайшими учениками (среди них – не менее значимый, чем его учитель, христианский неоплатоник Джордано Бруно) и его фактическими продолжателями в лице Декарта и Лейбница, важнейшие для мыслителя идеи метода, априорного предвосхищения реальности, точности и строгости познания, бесконечности бытия, творчества оказались в центре внимания последующей философии.

Литература

1. Боргош Ю. Фома Аквинский. – М.: Мысль, 1975. – 183 с.
2. Бицилли П. Элементы средневековой культуры. – Одесса: Гносис, 1919. – 167 с.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
4. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии: Пер. с древнегреч. – М.: «РМ», 1994. – 96 с.

5. Кузанский Николай. Об ученом незнании//Николай Кузанский. Сочинения: в 2-х т./Сост. В.В. Бибихин; Общ. ред. В.В. Соколова и З.А. Тажуризиной; Вступ. статья З.А. Тажуризиной, пер. З.А. Тажуризиной и др. – Т.1. – М.: Мысль, 1979. – С. 47-184.
6. Майстер Экхарт. Толкование на Евангелие от Иоанна. Цит. по: Николай Кузанский. Об ученом незнании//Николай Кузанский. Сочинения: в 2-х т. – Т.1. – М., 1979. – С.467 (примечание к с. 100).
7. Платон. Государство//Платон. Собрание сочинений в 4-х т. – М.: Мысль, 1994. – Т.3. – С. 79-420 (VII, 534b).
8. Фрагменты ранних греческих философов. (От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики). [Перевод АН СССР, Ин-т философии]. Изд. А. В. Лебедева. – М.: Наука, 1989. – 575 с.
9. Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах. – М.: Наука, 1988. – 539.
- 10.Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания / Пер.с нем. – СПб.: Типография им. М.И. АКИФИЕВА, 1907. – 732 с.
- 11.Murray A. Reason and Society in the Middle Ages. – Oxford, 1978. – 528.

Старжинский В.П., Спектор А.А.

(Минск)

КОНСТРУКТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КАК РЕФЛЕКСИВНАЯ СИСТЕМА

Резюме

В статье рассматриваются проблемы современной методологии на основе конструктивной парадигмы, полагающий процесс познания как один из способов освоения и преобразования мира. Различаются когнитивная и конструктивная методология. Методология понимается как система с рефлексией. Предмет рефлексии — человеческая деятельность в контексте философской и научной поддержки. Методологическая рефлексия осуществляется над основаниями науки, формируя их и, в то же время, опираясь на них. Рефлексия над различными компонентами методологии объединяет их в единую систему и способствует дальнейшему формированию структуры и развитию ее функций.

В современной науке конструктивность начинает занимать все большее место благодаря обращению к деятельностной концепции и проблемам методологии. Методология, активно развивающаяся в наши дни, понимается нами как система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, выраженная на концептуальном и инструментальном уровнях. Прежде чем перейти к рассмотрению конструктивности в методологии, обсудим современное понимание последней.

Важным представляется определение места методологии в структуре человеческой деятельности, ее назначения. Мы считаем, что принципиальное различие между философией и методологией заключается в том, что философия изучает экзистенциальные проблемы, а методология обеспечивает способы построения деятельности как «искусственного» на базе анализа условий развития любой деятельности. Отсюда вытекает ее синергетический аспект. Методология разрабатывает технологию синтеза знаний и исследовательских приемов и процедур, принадлежащих разным дисциплинам. Предмет методологии как науки определяется тем, что у нее есть собственная дисциплинарная онтология, моделирующая мир, и поэтому ее задача — изучение всех видов, типов, форм и способов организации и построения деятельности и

мышления. В этом проявляется специфика методологии как самостоятельной науки. Важным является также вопрос о взаимоотношении методологии науки и самой философии. В частности, Л.Ф. Суркова полагает, что проявление философии как методологии науки может быть понято в частности через реализацию методологических ситуаций, представляющую собой процесс построения идеальных моделей¹. С одной стороны, вычленение методологии из породившей ее познавательно-созидательной деятельности человека согласуется с общей тенденцией познания — расчленения и упрощения реальности для ее изучения. С другой стороны, методология имеет черты междисциплинарности и на разных стадиях своего развития воспринимает знания и методы, разработанные в сфере как естественных наук, так и породившей ее философии в целом и философии науки в частности.

Возникнув на базе другой дисциплины — философии науки, методология подчиняется закономерности, согласно которой некоторая теория, достигшая определенного уровня, сама становится методом. Понимание методологии в наше время складывается исходя из этих положений. Так, например, В.Ф. Берков² пишет, что философия науки развивалась в результате синтетической познавательной деятельности, задачей которой было получение ответов на три группы вопросов — вопросов о функционировании науки в обществе, вопросов, возникающих внутри самой науки, и вопросов, возникающих при осмыслении взаимодействия научного и философского знания. Приобретя нормативные свойства, философия науки начала функционировать как методология науки (точнее, методология вычленилась из философии). Вышеназванные вопросы, особенно вопросы первой группы, заставляют подробнее рассмотреть проблему человеческой деятельности, которая является предметом методологии и напрямую связана с конструктивным подходом. Деятельность — категория философии, которая включает в себя по меньшей мере следующие структурные элементы: средства, предмет и продукт, субъект и объект, определенные операции и действия, а также ценности и цели. Рассмотрение деятельности, как

¹ Суркова Л.В. Возможна ли философия как методология науки? //Философия науки и научно-технической цивилизации. Юбилейный сборник. — М., 2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/msu/kon/sbornik.html>

² Берков В.Ф. Философия и методология науки. Учебное пособие. — М.: ООО «Новое знание», 2004. — 336 с.

правило, связано с историческим подходом к науке. В.С. Степин³ определяет сегодняшний этап развития науки как постнеклассический, где субъект познания одновременно является и его объектом. С этой точки зрения он рассматривает и методологию. В.С. Степин разделяет знания первого типа (знания об объекте) и знания второго типа (знание о методе). Именно потребность в развертывании и систематизации знаний второго типа приводит на высших стадиях развития науки к формированию методологии, пишет В.С. Степин.

Однако методология коренится глубоко в истории человечества. Как показано В.П. Старжинским⁴, методология ведет свое происхождение от двух сфер человеческого познания — формальной логики и гносеологии. Если формальная логика, созданная Аристотелем, имеет своей целью регламентацию правильного мышления и не затрагивает материальный мир, то гносеология регламентирует уже сам познавательный процесс, выявляет его этапы и критерии разделения неистинного и истинного знания. Методология даже в классическом понимании ставит перед собой вопрос использования полученных знаний. Но на современном этапе развития человеческой деятельности происходит дальнейшее формирование методологии, связанное с различными областями ее применения.

Понятие «конструктивная методология» вводится для того, чтобы дифференцировать методологию в сфере познания (объяснения) и проектирования (созидания). Конструктивная методология — это методология созидательной деятельности, которая отличается от научной по многим параметрам. Методология в сфере познания (объяснения) и методология в сфере проектирования (созидания, деятельности) решают различные задачи и имеют различное назначение. Рефлексия над целями и задачами приводит к разграничению видов методологий. Таким образом, вводится термин «конструктивная методология». Если для когнитивной методологии, разработанной в классической науке, целью является достижение истины, то конструктивная методология направлена на решение практических проблем, связанных с изменением наличной ситуации. Эти проблемы имеют теоретико-прикладной характер и решаются с помощью деятельностной концепции. Поэтому

³ Степин В.С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 744 с.

⁴ Старжинский В.П. Гуманизация инженерного образования: философско-конструктивный подход. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. — Минск, 1993.

конструктивная методология призвана обобщить и синтезировать объяснительный (познавательный, когнитивный) и деятельностный подходы. В основе объяснительного подхода лежат понятие и процедура определения, а для обобщения и синтеза объяснительного и деятельностного подходов используется процедура построения модели. Модель здесь понимается расширительно не только как отражение или же аналог определенной ситуации, но также как репрезентация будущей практики. Следовательно, это уже когнитивный артефакт, модель, становящаяся проектом. В рамках проектной (конструктивной) парадигмы имеются различные виды определений: остенсивное, номинативное, дескриптивное и конструктивное, которые можно рассматривать как исходные «клеточки» методологий. Так, например, конструктивное определение представляет собой конструктивно-точное описание построения соответствующего объекта. Вероятно, что с увеличением доли проектирования в современной технологической деятельности растет необходимость в конструктивном определении объектов. Действительно, геометрическому телу легко дать как дескриптивное, так и конструктивное определение, причем оба определения будут вполне различимы. Например, окружность — геометрическое место точек, равноудаленных от центра (дескриптивное определение). Или же окружность можно рассматривать как объект, построенный при помощи определенного инструмента, циркуля (конструктивное определение). Если же речь идет о сложных инженерных сооружениях, например, о здании, то даже дескриптивное определение будет содержать в себе элементы конструктивного, если определить «здание» как «строение». Более того, для обоих видов определения просматривается еще один аспект — функциональный, в некотором роде связующий их. Таким образом, все основные задачи, стоящие перед исследователями, можно интерпретировать как преобразования дескриптивных определений в конструктивные.

Проектирование и конструирование, составляющие суть инженерного подхода, состоит в выработке нормативных, предписывающих знаний по созданию нового объекта, которые в свою очередь и основываются на конструктивной методологии и проектной парадигме. Научная (познавательная, когнитивная) парадигма исходит из того, что наука конституируется из знания, истины, доказательства. Проектная парадигма строится на проектном решении, выборе и обосновании, ве-

рификации, валидации. Именно поэтому в сфере науки и в сфере проектирования существуют два вида методологии — познавательная (когнитивная) и конструктивная, два вида теории — познавательная (когнитивная) и эвристическая, два вида практики — естественная (спонтанная) и искусственная, которая задается через проект, два вида знания — «знание-объяснение», дескриптивное, которое носит преимущественно концептуальный и вербальный характер, и «знание-деятельность» — конструктивное, которое имеет, как правило, личностную природу — умения и навыки, или же знание типа «ноу-хау» и др.

Конструктивная методология призвана за счет разработки средств не просто объяснить наличную ситуацию, но и регламентировать преобразование ее в интересах субъекта. Этот процесс можно подразделить на элементы, которые определяются типами и структурой моделей, применяемых в конструктивной методологии — концептуальной и инструментальной. Концептуальная модель представляет собой описание сферы, подлежащей преобразованиям. Это описание имеет существенную особенность, поскольку осуществляется с инновационных позиций. Самый общий подход показывает, что концептуальная модель является бинарной, ибо описывает два состояния — сущее и должное. Сущее — то, что представляет собой объективная, наличная реальность, текущее, существующее состояние дел. Должное — состояние, которое должно быть построено по замыслу проектанта. Третий элемент — инструментальная модель, которая призвана устранить расхождение между сущим и должным. Отношение между инструментальной и концептуальной моделью является взаимодополнительным или взаимосопреженным. Это значит, что концептуальная модель является теоретическим обоснованием модели инструментальной. Другими словами, концептуальная модель содержит ответ на вопрос, почему применяются именно такие средства, а не другие. Установление расхождения между составляющими «сущее» и «должное» есть не что иное, как процедура целеполагания, проблематизации, формулировки возможного способа решения задач. Как правило, система принципов и приоритетов содержит потенциальный способ решения. Между состояниями «сущее» и «должное» следует поместить «возможное», которое опирается на конкретные условия преобразований. На языке проектирования — временные, людские, материальные, в том числе и финансовые ресурсы.

Концептуальная модель — не просто совокупность понятий, объясняющих какую-либо сущность, существующую саму по себе, как объект. Она также рассматривает и объясняет эту сущность функционально, как устройство, как потенциальный инструмент, средство, и представляет собой конструктивный принцип деятельности. Концептуальная модель строится как содержательное описание в виде понятий, определенным образом упорядоченных в проблемном поле, в сетке отношений, которая определяется целью преобразований. Инструментальная модель — это совокупность разнообразных средств, ориентированных на достижение искомой цели. Определенным образом соотнесенные и упорядоченные понятия составляют объяснение основного замысла перехода от сущего к должному.

Итак, конструктивная методология применяется там, где имеет место процесс преобразования действительности как процесс построения моделей и проектов. Это построение или инжиниринг осуществляется с помощью конструктивной парадигмы. В этом и заключается смысл выделения двух парадигм — научной, точнее, познавательной, когнитивной, и конструктивной⁵. В основе познавательной парадигмы, как уже говорилось, лежит истина и доказательство, а целью является получение нового знания. В основе конструктивной — сложный процесс проектирования, начиная с декомпозиции и заканчивая системой процедур и нормативов принятия решения и обоснования, регламентирующих созидательную деятельность. При таком подходе можно дифференцировать методологию как область человеческой деятельности в зависимости от ее функциональной направленности, — а именно, как когнитивную, применяющуюся в сфере познания реальности, и конструктивную, использующуюся в сфере преобразования реальности. А это связано с основными принципами человеческой деятельности вообще⁶.

Но познание также можно рассматривать как вид преобразовательной деятельности. Deskриптивность отражает не только описательную характеристику объекта. Согласно М.В. Лебедеву⁷, объяснительная характеристика формируется при расширении deskриптивности.

⁵ Степин В.С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 744 с.

⁶ Старжинский В.П. Гуманизация инженерного образования: философско-конструктивный подход. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук.— Минск, 1993.

⁷ Лебедев М.В. Семантика перехода от описания к объяснению. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philosophy.ru/lebedev/texts/expl_r.html

Семантика перехода от описания к объяснению заключается в следующих преобразованиях: репрезентационизм преобразуется в конструктивизм, корреспондентское понимание истины сменяется когерентным ее пониманием, а на основании научных данных формируется научная теория. Таким образом, объяснительная характеристика соответствует здесь конструктивной концепции, поскольку включает в себя понимание того, каким образом формируется определение объекта, и представляет познавательную деятельность как преобразующую.

Поэтому конструктивный подход органически включает в себя такую важную характеристику методологии, как рефлексивность. Эта особенность методологии и является дальнейшим предметом рассмотрения.

Методология, как область человеческой деятельности, представляет собой систему с рефлексией. Причем специфика деятельности ведет к определенной специфике рефлексии. Рефлексию принято понимать как принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок, предметное рассмотрение самого знания, критический анализ его содержания и методов познания а также деятельность самопознания, раскрывающую внутреннее строение и специфику духовного мира человека. В методологии, как и во всякой системе, рефлексия обусловлена предметом, на который направлена деятельность этой системы и компонентами этой системы. В свою очередь рефлексия обуславливает развитие этих компонентов. Как уже отмечалось, важнейшим компонентом методологии, является метод. Как известно, выделяются различные виды методов, но для нашего рассмотрения это несущественно.

Метод включает в себя инструменты, средства и механизмы, и сопровождается рефлексией как над этими компонентами по отдельности, так и над их системой в целом. На наш взгляд, рефлексия над данными аспектами деятельности, как моделированием, и представляет собой основное содержание философии науки. В свою очередь, двойная рефлексия приводит к методологии, которая направляет преобразующую деятельность. Причем на каждом уровне рефлексии ее предмет, то есть, средства, механизмы, инструменты, а также метод, который объединяет эти компоненты, соответственно преобразуются. Более того, можно представить развитие человеческой культуры в целом, и, в частности, таких ее компонентов, как наука и философия, как эволюцию различных уровней и этапов рефлексии. В частности, подразделение

истории науки на классический, неклассический и постнеклассический этапы предполагает обратную связь с рефлексией на каждом из этих этапов. Основания науки, из которых исходит методология в каждый конкретный период, также служат предметом рефлексии. Рассмотрим подробнее рефлексиию над самой деятельностью, затем, последовательно, над основаниями науки, над методом, средствами и механизмами и, наконец, над ценностями и целями.

Научная деятельность как рефлексия и роль рефлексии в методологии понимаются по-разному. М.А. Розов предлагает сузить понимание рефлексии и рассматривать ее как «переход от непосредственных образцов к вербальным описаниям, то есть процесс вербализации образцов»⁸. Он вводит в теорию познания и методологию понятие рефлексивной симметрии. Рефлексивно симметричными он называет два таких акта деятельности, которые отличаются друг от друга только осознанием результата и преобразуются друг в друга посредством изменения рефлексивной позиции. Розов предлагает различать следующие виды рефлексивной симметрии — предметный и программно-предметный. Рефлексивная позиция может меняться в зависимости от того, какой результат исследования считать основным, а какой — побочным. В понятии рефлексивной симметрии важна также цель исследования. Кроме того, одно и то же исследование может отвечать на разные вопросы, относящиеся к разным дисциплинам. Обращение к биологии, медицине и географии позволяет прояснить ситуацию. Анализ ДНК у представителей определенной популяции предполагает разрешение проблемы как исторической, так и медико-биологической. Допустим, у представителей какой-то популяции найдено определенное сочетание ДНК-повторов, нейтральных мутаций, отличающееся от подобного же сочетания соседней популяции. Вывод, который можно сделать — возможное исторически недавнее переселение данной популяции в обследуемый регион. Эти данные составляют предмет этногеномики. Симметричный же вывод будет таким: поскольку исследуемая популяция в известный исторический период переселилась в данный регион, (если это определено на основе других исследований), состав нейтральных мутаций у нее будет отличаться от соседей. Частота распределения той или иной мутации в популяции вносит вклад в знания о расселении

⁸ Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. — М.: [F:\Найка\context\detail\id\857337](https://www.elibrary.ru/857337)Гардарики, 1999. — 400 с.

народов по Земле. С другой стороны, такая постановка проблемы помогает разрешать проблему этиологии того или иного заболевания и позволяет более точно проводить молекулярно-генетическую диагностику. Подобный вид рефлексивной симметрии, относящийся к актам производства и воспроизводства, М.А. Розов называет предметно-предметным. Программно-предметная симметрия возникает тогда, когда в ходе одного и того же исследования отвечают на вопрос о полученном результате (синтезированном или выделенном веществе, найденной мутации), или же описывают способ получения этого результата — метод, от которого зависит получение результата. Предметную симметрию М.А. Розов, в свою очередь, подразделяет на предметно-предметную и объектно-инструментальную. Инструментально-объектная симметрия имеет место, когда в рефлексии исследователя меняются местами объект и средство. М.А. Розов приводит здесь пример с напильником, который является средством, стачивая поверхность, но становится объектом, когда обращается внимание на то, насколько он стачивается при этом сам, и тогда уже поверхность становится средством для испытания инструмента. Таким образом, понятие объектно-инструментальной симметрии коррелирует с понятием инструментальной модели, основанной на преобразовании, тогда как предметно-предметная симметрия согласуется с концептуальной, познавательной моделью. М.А. Розов подчеркивает, что практически в любой дисциплине можно найти такое объектно-инструментальное переключение. Однако рефлексивная симметрия, как и другие виды рефлексии, не могут быть объяснены без понимания научной картины мира и без рефлексии над ней.

Как утверждает В.С. Степин, научная картина мира выступает как специфическая форма систематизации научного знания, задающая видение предметного мира науки соответственно определенному этапу ее функционирования и развития⁹. Согласно В.С. Степину, современное понимание научной картины мира развивалось по мере становления философско-методологической рефлексии, которая способствовала синтезу знаний приведшей к формированию определенной интегративной системы представлений, которая и превратилась в научную картину мира.

Таким образом, научная, философская и методологическая рефлексии формируют научную картину мира. Рискнем предположить,

⁹ Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

что основной методологической единицей научной картины мира является концептуальная модель. И тогда инструментально-методологическая модель будет опираться на картину мира, как на свое основание. Таким образом, научная картина мира, сама являясь моделью, формирует методологию, и способствует построению моделей других уровней. Подобное построение сопровождается рефлексивной деятельностью. Следовательно, научная картина мира сама порождает и формирует рефлексивную. Более того, лучшее понимание научной картины мира способствует лучшему пониманию методологии и развитию рефлексии. Верным будет и обратное утверждение. Научная картина мира и методологическая рефлексия взаимно строят друг друга, формируя обратную связь. Такая связь должна выявляться при рассмотрении рефлексии над различными компонентами методологии. Можно предположить существование обратной связи между общей рефлексией над основаниями науки — опорой методологии, и частными рефлексиями над отдельными компонентами методологии. Так образуется методологическая рефлексивная система.

Интерес представляет рефлексия над теорией, которая может обращаться к нам, по крайней мере, двумя своими гранями — как онтология и как инструмент. Если первая позиция конституирует философию, то вторая — методологию.

В частности, теорию в плане конструктивного ее обоснования разрабатывали К. Поппер, Т. Кун и И. Лакатос. В частности, К. Поппер рассматривает методологические правила как конвенции, и поэтому не считает методологию эмпирической наукой¹⁰, как это предполагали позитивисты. Т. Кун, предложивший концепцию смены парадигм и научных революций, считает, что парадигма остается признанной, будучи так называемой дисциплинарной матрицей, то есть тоже своего рода продуктом соглашения между учеными¹¹. Благодаря новой парадигме более точно определяется поле исследовательской деятельности и возможно появление новой научной дисциплины. Имре Лакатос¹² разработал методологию научных исследовательских программ, согласно которой у каждой такой программы есть «твердое ядро» и «защитный пояс». Программа включает две группы методологических правил.

¹⁰ Поппер К. Логика научного исследования. – М., «Республика», 2005. – 447 с.

¹¹ Кун Т. Структура научных революций. – М., АСТ, 2001. – С. 9–269.

¹² Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. // Кун Т. Структура научных революций. – М., АСТ, 2001. – С. 269–454.

Правила первой группы представляют собой отрицательную эвристику, и указывают, каких путей следует избегать. Правила второй группы являются положительной эвристикой, и указывают направления и методы исследования. Итак, разработка проблемы оснований науки тесно связана с осмыслением методологии, в которой обнаруживается рефлексия над выбором ученых и процессом принятия решения.

Рефлексия над теорией широко применяется также в работах В.С. Степина, который на основе деятельностного подхода к науке в целом и к методологии как одной из ее дисциплин строит конструктивную концепцию теоретического знания. В данной концепции важное место занимает построение идеальных моделей и рассмотрение объектов как теоретических конструктов. Идеальная модель здесь служит средством выявления природных закономерностей, а конструирование новых искусственных объектов, отражающих реальное положение дел, является способом познания, как освоения человеком новой предметности.

Конструктивная методология может быть использована в таких категориях, как объект и предмет (результат) деятельности. Предметом практической деятельности является объект в исходном состоянии, в результате определенных операций преобразуемый в продукт (то есть объект в конечном состоянии). Эти операции обеспечивают связь предмета и средств его преобразования. Наука стремится предвидеть, каким образом осуществляется процесс этого преобразования. В научной деятельности этой цели соответствует идеальный образ продукта. Обоснование получения этого продукта принадлежит системе ценностей. Поэтому, подчеркивает Степин, «деятельность всегда регулируется определенными ценностями и целями»¹³. Полагая, что цель науки – истина, он в то же время считает, что сверхцель научного познания — регуляция человеческой деятельности. Эти высказывания не противоречат друг другу, а, скорее, являются взаимодополняющими. Различная же специфика деятельности и различные способы ее регуляции означают, что при изучении особенностей научного познания прежде всего необходимо анализировать эти различия, в том числе и различия между объектной и субъектной структурами. Однако установить четкую границу между ними затруднительно. Средства, с одной стороны, используются субъектом деятельности для осуществления целесообразных действий. Здесь средства являются искусственными органами человека,

¹³ Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.– 744 с

продолжением присущих ему свойств и включены в субъект. Но подобные средства представляют собой также естественные объекты, взаимодействующие с другими объектами. Операции можно рассматривать также как компоненты субъекта, и как естественное взаимодействие объектов. На наш взгляд, искусственные средства деятельности являются, скорее, сконструированными объектами, что и согласуется с постнеклассическим пониманием двойственности понятий субъекта и объекта. Более того, поскольку в науке вообще и в методологии в особенности люди, как и любые фрагменты реальности, представляют собой и предметы деятельности, человек также может выступать и как субъект, и как объект. Изменение объекта, как естественное, так и производимое человеком, осуществляется по определенным законам. Основная задача науки, утверждает В.С. Степин, состоит в том, чтобы «выявить законы, в соответствии с которыми изменяются и развиваются объекты». А методология, целенаправляя человеческую деятельность, должна, соответственно, изучать законы искусственного построения объектов. Чтобы зафиксировать объект, необходимы определенные методы, и поэтому работа с объектами невозможна без осознания метода. Более того, объекты неотделимы от методов. И чем дальше находится наука от сферы повседневного опыта и непосредственного наблюдения, тем сильнее необходимость в разработке и осознании новых методов, позволяющих выделять новый предмет исследования в этой новой сфере. Итак, рефлексия над предметом, объектом и задачей исследования приводит к выводу, что с позиций конструктивной методологии разделение познавательного процесса на субъект и объект относительно, как и разделение на искусственные и естественные объекты. Тем не менее, парадигма науки требует выделить и дифференцировать фрагменты реальности, задаваемые картиной мира и средствами ее изучения. Для методологии таким фрагментом реальности является сама наука. Задачей методолога является выявление в науке наиболее оптимальной сферы для собственных исследований. И само изучение субъекта возможно только в том случае, если он будет представлен как объект, как нечто естественное, как первичный предмет исследования, который можно преобразовать в продукт. Если же из фрагмента реальности невозможно построить этот предмет, выделить его сущностные связи, то данный фрагмент находится вне сферы деятельности самой

науки. В.С. Степин представляет здесь одну из важных задач методологии — определение границ рациональности, а также вида методологической рефлексии, а именно, рефлексии над методами.

Дело в том, что рефлексия над методами прослеживается с самого начала существования таковых. Метод всегда рассматривался как способ получения достоверного знания, либо как инструмент, необходимый для принятия решения. Взгляд на метод зависит от целей и ценностей, присущих научному исследованию, в данном случае, — методологии. Поэтому рефлексия над методом неразрывно связана с рефлексией над целями и ценностями, в зависимости от которых он рассматривается либо как способ получения достоверного знания, либо как инструмент для принятия решения. Рефлексия над методом связана также с возможностью переноса и трансформации последнего из одной дисциплины в другую. Изучение рефлексивной симметрии, образующейся при подобной трансформации является здесь своего рода тестом. Диверсификация метода и методологии связана также с множеством различных наук, появившихся в результате разделения труда. Это один из примеров того, как человек вынужден дифференцировать единый мир ради его познания и освоения.

Концепция, рассматривающая теоретическое знание как приоритет для дальнейшего развития науки, на первый взгляд, может показаться противоречащей конструктивной методологии. Такая позиция проявляется у одного из представителей современной эволюционной эпистемологии – Кая Хахвлега. Этот исследователь смотрит на «продвижение в области теории как на побочный продукт наших возрастающих возможностей управлять экспериментальными условиями»¹⁴. Здесь рефлексия над теорией связана с концепцией эволюционной эпистемологии, одним из основателей которой был С. Тулмин. Эволюционная эпистемология может быть увязана с проблемой междисциплинарности, поскольку основывается на предположении, что биологическая эволюция и эволюция знания подчиняются аналогичным законам. Поэтому разработанные теории подвергаются своего рода естественному отбору в данной системе. Фальсификационизм К. Поппера Кай Хахвлег и К. Хукер также относят к этой системе. Эти авторы считают,

¹⁴ Хахвлег К., Хукер К. Эволюционная эпистемология и философия науки. // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия. Издание второе, переработанное и дополненное. Составление, перевод, вступительные статьи, вводные замечания и комментарии А.А. Печенкина. – М.: «Логос», 1996.– С. 158—199.

что ученый ищет не истину, а истинные теории, но методов, позволяющих этого добиться, не существует. Однако во Вселенной есть подлинные инвариантные отношения, и поэтому цель методологии — с помощью постоянной практики формулировать теории, которые описывают эти отношения все с большим и большим приближением, и, соответственно, искать и отбирать такие данные, которые позволят продвигнуться на этом пути дальше, а в дальнейшем делать выбор из формулируемых в результате обработки данных теорий. Согласно К. Хахвлегу, методология, хотя он и не применяет этого термина, в самом начале должна искать средства для формирования проблемы, чтобы ее можно было разрабатывать в лаборатории, то есть обеспечивать управление опытом. Для этого необходимо собрать данные, содержащие информацию, которую можно было бы обобщить. Данные следует операционализировать и уточнять, отличая подлинные явления от мнимых и работая с разными уровнями реальности. При этом исследователь не может быть уверен, с чем он имеет дело — с одним явлением, или же с целым рядом взаимосвязанных явлений, которые наблюдаются как некая регулярность, но на самом деле разворачиваются отдельно друг от друга и подлежат отдельным исследованиям. Подобная постановка вопроса о природе онтологии звучит несколько противоречиво. Вероятно, автор имеет в виду отсутствие глубинных корреляций между явлениями и интерпретацией их в теории. Хотя без упрощения и схематизации реальности невозможно никакое ее изучение, но почти всякое явление при более глубоком исследовании можно разложить на другие, ранее недоступные изучению, и уверенности в том, что между изучаемыми явлениями нет зависимости, и новые средства не выявят ее, также быть не может. Однако здесь важен акцент на практику — правильное планирование эксперимента и надежные экспериментальные данные, необходимые для формирования теории.

Выбор теории и рефлексия над основаниями науки, опирающаяся на них и формирующая их, неразрывно связана с такой компонентой методологии, как цель. В.С. Степин определяет методологию как область человеческой деятельности, призванной целенаправленно направлять научный поиск. Однако при этом целеполагание подвергается определенной рефлексии. Она заключается в осознании того, что такое наука, ее основания и цель, деятельность, затем — в осознании и анализе метода, его необходимости, функции, а также ценностной структуре познания, в

анализе субъект-объектного взаимодействия, механизмов и средств познания. Согласно В.С. Степину, необходимость в осознании научного метода вызвана спецификой техногенной цивилизации, в которой преобразующая деятельность рассматривается как главное предназначение человека. Однако ситуация кризиса современной цивилизации, в том числе и кризиса экологического, ставит перед исследователем множество вопросов ценностного и целеполагающего характера, усложняя само понятие метода. Осознавая кризис, В.С. Степин отстаивает деятельностный подход к науке, поскольку преобразование относится к функциям человека, неотделимым от биологической природы.

Рефлексию над целью, которую ставит перед собой исследователь при разрешении определенных проблем можно выявить также при обсуждении позиции Л. Лаудана, который рассматривает проблему обоснования как достижения согласия и преодоления несогласия (диссенсуса) в научном сообществе. Л. Лаудан подчеркивает, что методологические правила являются инструментами или же средствами достижения целей исследования, и в этом заключается их сила. Придерживаться таких правил можно именно тогда, когда они рассматриваются как оптимальный инструментарий для реализации познавательных и практических целей, то есть средство¹⁵. Л. Лаудан различает здесь познание и практику, тогда как К. Хахвлег включает практику в свою концепцию развития теоретического знания. Л. Лаудан определяет роль методологии при разрешении разногласий, выделяя при этом три уровня научных состояний, позволяющих решить проблему выбора между теориями — фактуальный, методологический и аксиологический. Автор создает иерархическую модель обоснования, где фактуальное разногласие разрешается на методологическом уровне, а методологическое — на аксиологическом (аксиологического же разногласие может не иметь решения вообще). Он предлагает сетевую модель обоснования, где цели, методы и фактуальные утверждения связаны между собой процессами обоснования и гармонизации. В этой модели, пишет Л. Лаудан, «мы можем использовать наше знание о доступных методах как инструмент оценки жизненности полагаемых познавательных целей (напри-

¹⁵ Лаудан Л. Наука и ценности. // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия. Издание второе, переработанное и дополненное. Составление, перевод, вступительные статьи, вводные замечания и комментарии А.А. Печенкина. — М.: «Логос», 1996. — С. 295-342.

мер, мы можем показать, что ввиду отсутствия метода достижения некоторой конкретной цели эта цель должна быть признана нереализуемой»¹⁶. Все три уровня, таким образом, оказываются в равном положении взаимной зависимости. Рефлексия над целью в данном случае служит системообразующим фактором обоснования.

Рефлексия над средствами может рассматриваться как моделирование этих средств, определяемое целеполаганием и ценностными установками. Примером здесь может послужить экологический кризис наших дней, в том числе проблемы атомной и гидроэнергетики, а также создание трансгенных животных и растений. Известно, что голод долгие тысячелетия оставался страшной угрозой самому существованию человечества. Селекция и выведение новых пород животных и сортов растений служили одним из средств преодоления этой проблемы. Уже в древности человек своей деятельностью влиял на экологическую ситуацию — например, вырубкой лесов и насаждением монокультур. Однако в наши дни средства генетики в выведении новых пород и сортов позволили сделать и сильнейший скачок — зеленую революцию, и породили новую проблему — проблему трансгенных живых существ. Встраивание гена одного вида в геном представителя другого вида с целью направленного изменения, позволяет повышать урожайность и получать в большом количестве полезные продукты. Однако этот процесс не может не оказывать влияния на системы регуляции действия генов в геноме организма-донора. Последствия таких процессов пока еще далеко не всегда можно предугадать. Следовательно, возникает методологическая проблема обоснованности подобных средств. Проблема обоснования приводит к другому виду рефлексии — рефлексии над механизмами. Применение определенного средства, механизм которого до конца не изучен, является, прежде всего, проблемой практической, затем проблемой философской, и, наконец, проблемой методологической. Это приводит нас к методологической рефлексии над взаимодействием науки и производства.

Конструктивная роль рефлексии над компонентами методологии просматривается, по крайней мере, в двух направлениях. Первое ведет

¹⁶ Лаудан Л. Наука и ценности. // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия. Издание второе, переработанное и дополненное. Составление, перевод, вступительные статьи, вводные замечания и комментарии А.А. Печенкина. – М., «Логос», 1996. – С. 295-342

от логики через гносеологию к методологии и отражает усложнение рефлексии при расширении сферы человеческой деятельности — начиная от определения правил мышления и вплоть до практического преобразования мира. Второе заключается в переходе от науки к философии и далее к методологии. В процессе этого перехода происходит обработка результатов рефлексии научного и философского уровней и усложняется методологический уровень.

Вышесказанное позволяет рассматривать методологию с нескольких позиций. Методология — многуровневая и многомерная открытая система с тройной рефлексией, которую можно рассматривать как средство регуляции человеческой деятельности в различных ее аспектах, как познавательном, так и конструктивном. Компоненты методологии вступают между собой во взаимосвязь и создают, таким образом, целое. При этом познавательный аспект оказывается одним из видов аспекта преобразовательного. Методология также постоянно находится в состоянии обратной связи с другими системами, получая у них материал для собственного строительства и передавая им результаты собственной деятельности. В качестве таких систем могут выступать как научные дисциплины, так и наука в целом, а также сфера человеческой деятельности в ее социальном, экономическом и культурном аспектах.

Литература

1. Берков В.Ф. Философия и методология науки. Учебное пособие.— М.: ООО «Новое знание», 2004. — 336 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2001.— С. 9-269.
3. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. // Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2001.— С. 269-454
4. Лаудан Л. Наука и ценности. // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия. Издание второе, переработанное и дополненное. Составление, перевод, вступительные статьи, вводные замечания и комментарии А.А. Печенкина. — М., «Логос», 1996.— С. 295-342.
5. Лебедев М.В. Семантика перехода от описания к объяснению. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philosophy.ru/lebedev/texts/expl_r.html

6. Поппер К. Логика научного исследования. – М.: «Республика», 2005. – 447 с.
7. Старжинский В.П. Гуманизация инженерного образования: философско-конструктивный подход. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – Минск, 1993.
8. Старжинский В.П. Становление конструктивной методологии. Философия и социально-культурное развитие. // Материалы круглого стола, посвященного II Международному дню философии в ЮНЕСКО. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2004. – С. 206—220.
9. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
10. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. – М.: <F:\Наука\context\detail\id\857337>Гардарики, 1999. – 400 с.
11. Суркова Л.В. Возможна ли философия как методология науки? // Философия науки и научно-технической цивилизации. Юбилейный сборник. – М., 2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/msu/kon/sbornik.html>
12. Хахвлег К., Хукер К. Эволюционная эпистемология и философия науки. // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия. Издание второе, переработанное и дополненное. Составление, перевод, вступительные статьи, вводные замечания и комментарии А.А. Печенкина. – М.: «Логос», 1996. – С. 158-199.

Яскевич Я.С.
(Минск)

КОНСТРУКТИВИЗМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СТРАТЕГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: БИОЭТИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ КОМИТЕТЫ

Резюме

В статье рассматривается статус и динамика биоэтики как междисциплинарного направления, академической дисциплины и социального института, раскрывается специфика «западной» и «отечественной» модели биоэтики, выявляются этические и правовые механизмы формирования биоэтики и Национального комитета по биоэтике в Республике Беларусь.

Биоэтика как междисциплинарное научное направление, академическая дисциплина и социальный институт конституируются в контексте общей стилистики, характерной для постнеклассической науки последней трети XX века в целом, когда в ее ткань входят непривычные для классической науки идеалы блага человека и человечества, морали и добра, долга и ответственности за результаты, полученные в процессе научного изучения человекоразмерных объектов.

Внедрение в практику новых медицинских технологий (методов искусственного оплодотворения, суррогатного материнства, пренатальной диагностики), актуализация проблем трансплантации, эвтаназии, биомедицинских экспериментов, проводимых на людях и животных, необходимость морально-этического и правового регулирования возникающих в процессе биомедицинских исследований коллизий послужили своеобразным социальным заказом по отношению к становлению биоэтики.

Начало XXI столетия характеризуется становлением единой цивилизации с новой шкалой общечеловеческих духовных ценностей, которую можно назвать экосоциумом, или эколого-информационным обществом, поскольку особое место в этой цивилизации принадлежит философии, науке, ноосферологии, таким междисциплинарным областям как биоэтика, которые через систему образования и обоснования новых приоритетов призваны обеспечить основу для экологизации и гуманизации общества. Какова роль философско-методологической рефлексии над основаниями науки в этом процессе, в каких ее областях формируются новые подходы, изменяющие облик современной культуры и обеспечивающие сближение естественнонаучного и гуманитарного знания, каковы особенности науки конца XX века начала XXI века с точки зрения субъект-объектных отношений, ценностно-целевых структур, перспектив и границ научного поиска, какова роль и статус биоэтики как междисциплинарного направления и социального института, каковы моральные и правовые основания создания этических комитетов в современных условиях? С целью поиска ответов на эти вопросы необходимо проанализировать важнейшие концепции современной науки, ее идеи и новые подходы, выявить механизмы формирования гуманистических ориентиров, рассмотреть проблему взаимоотношения научной истины и нравственности, раскрыть тенденции к интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания, междисциплинарному взаимодействию различных областей знания в контексте становления биоэтики и этических комитетов в современной социокультурной ситуации.

Гуманистические повороты в современной науке

В развитии постнеклассической (современной) науки (последняя треть XX века) выделяется ряд концепций и подходов, благодаря которым можно зафиксировать механизмы формирования идеалов и норм научного знания, наполняющие структуру научного поиска ценностными ориентирами и гуманитарными параметрами. Механизмы, трансформирующие идеалы современного научного знания, особенно интенсивно входят в науку во второй половине XX столетия через разработку концепции ноосферы, идей нелинейной, "сильно неравновесной" термодинамики (школа И. Пригожина), синергетики, современной космо-

логии, развитие системных и кибернетических подходов, идей глобального эволюционализма, так называемого "антропного космологического принципа", становление междисциплинарных направлений, развитие биомедицинских исследований с участием человека. Вхождение "человекоцентристских" аргументов четко наблюдается прежде всего в концепции ноосферы В. И. Вернадского, основанной на идее целостности человека и космоса, а также целостности современной науки, в которой стираются грани между ее отдельными областями и происходит специализация скорее по проблемам, чем по специальным наукам. Задача научно строить мир, с точки зрения Вернадского, отказавшись от себя и стараясь найти какое-нибудь независимое от природы человека понимание мира, ему не по силам, это иллюзия. Сам наблюдатель, сам субъект с необходимостью включен в картину исследуемой реальности, в саму природу. Ноосфера является лишь новым качественным состоянием биосферы, в котором разум человека призван играть решающую роль.

В настоящее время рассматриваются различные сценарии самоорганизации в широком классе неравновесных физических, химических, биологических и социальных систем: в физике (гидродинамика, лазеры, нелинейные колебания); в электротехнике и электронике; в химии (реакция Белоусова-Жаботинского); в биологии (морфогенез, динамика популяций, эволюция новых видов, иммунная система); в общей теории вычислительных систем, в экономике, экологии, социологии; в медицине (синергетические подходы в психиатрии и т.п.)

Важнейшими характеристиками самоорганизующихся систем является их *нелинейность, стохастичность (непредсказуемость), наличие большого числа подсистем, открытость, необратимость (неповторимость)*. Характерен *"веер возможностей" развития системы в точках бифуркации*, когда система теряет стабильность и способна развиваться в сторону многовариантных режимов функционирования.

Предполагается также оценочный анализ возникающих вопросов и возможных вариантов ответов на них. Что произойдет, если ..., какой ценой будет установлен порядок из хаоса, какие последствия вызовет такое слабое "воздействие" на систему как..., какова значимость того, что погибнет и что возникает, если ... - такого рода вопросы свидетельствуют о необходимости *отказа от позиции беспрекословной "манипуляции" и жесткого контроля над изучаемыми системами, в особенности в области биомедицинских исследований с участием человека.*

Отказ от жестких средств обоснования научного знания, учет различных, действующих на систему параметров и обращение к концепциям случайных, вероятностных процессов демонстрируют на современном этапе и многие *медицинские дисциплины*. Кризис советской клинической психиатрии, как отмечают некоторые исследователи, во многом объясняется "пристрастием" к линейному принципу, согласно которому каждая (психическая) болезнь должна включать единые причины, проявления, течение, исход и анатомические изменения (т.е. одна причина дает одинаковый эффект). Такая "жесткость" в формулировке тезиса (постановке клинического диагноза), как свидетельствует современная медицина, ничем не оправдана, ибо нельзя не учитывать тот фактор, что как неповторимы физические и духовные свойства отдельных индивидов, так индивидуальны проявления и течение болезни у отдельных больных.

Аргументация на основе "непогрешимого", "объективного", "непредвзятого" клинического метода, изложения "без личного толкования" является несостоятельной не только с логической точки зрения, демонстрируя неадекватность претензий клинического метода на индуктивное выведение законов, ибо в данном случае, как справедливо указывает Н.А. Зорин, система постановки клинического диагноза представляет собой не что иное, как суждение по аналогии, или индуктивное доказательство, когда на основе повторяемости симптомов и синдромов конструируется представление о законе, (нозологической форме), но и в морально-психологическом плане, поскольку лечение адресуется не к личности, как декларируется клинической психиатрией, а к болезни, т.е. лечится "болезнь, а не больной".

Отход от однолинейности и жесткости, обращение к теориям случайных процессов, диссипативных структур приведет, как считают некоторые специалисты, к обновлению психиатрии, ибо понятие болезни будет вероятностным, а ее возникновение в ряде случаев - принципиально непредсказуемым. В психиатрии появится свобода воли в ее термодинамическом выражении, что повлечет за собой и изменение суждения о "норме" и болезни, к размыванию "границы" между нормой и болезнью широким спектром адаптационных реакций, а суждение о "нормальном" будет изменяться вместе с обществом и в зависимости от модели медицины.

Осознание чрезвычайной сложности и целостности объекта исследования ставит современную психиатрию перед необходимостью

включения в ее аргументационную систему описаний различного уровня (биохимического, поведенческого, социального), подобно принципу дополнительности Н. Бора, гибкости и многовариантности в постановке диагноза болезни, ориентации на конкретного человека, во имя фундаментального принципа медицины - "лечить не болезнь, а больного" и избежания этических "перекосов" (гипердиагностики и наоборот, презумпции болезни и т.п.).

Этические и аксиологические аргументы с неизбежностью "пронизывают" и другие медицинские дисциплины. Такая медико-биологическая наука, как *танатология*, изучающая причины, признаки и механизмы смерти с особой остротой ставит проблему "этической аргументации" при пересадке органов (как избежать этического перекоса: прежде чем донорский "живой" орган может быть изъят, сам донор должен быть "мертвым"); при продлении жизни больного с помощью аппаратуры (какие аргументы будут этически вескими при отключении аппаратуры, т.е. по сути дела "умертвлении" больного); при решении вопроса о сохранении жизни обреченных от неизлечимых болезней больных (насколько этичны идеалы биоэтики этики, приписывающей бороться за жизнь "до конца", если больной предпочитает "легкую смерть") и т.д.

Причастность человека к постижению таких сложных объектов, как атомная энергия, объектов экологии, геной инженерии, микроэлектроники и информатики, микробиологии, в которые включен сам человек, широкое внедрение роботов и компьютеров в производство и в самые различные сферы жизни человека и общества, функционирование науки на современном этапе в качестве социально интегрированной технологической экспертизы в ряде областей, внедрение в практику новых медицинских технологий, ставят под сомнение тезис об "этической нейтральности" науки и обуславливает то, что естествознание нашего времени значительно ближе по стратегии исследования к гуманитарным наукам, чем в предшествующие периоды исторического развития, вводя в него непривычные для традиционного естествознания категории долга, морали и т.д.¹. Аргументы, используемые при постижении уникальных эволюционных систем, не могут быть этически безразлич-

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: «Прогресс-Традиция», 2000.

ными. Позиция, нацеленная лишь на получение нового истинного знания, является слишком узкой, а порою и опасной. Возникает необходимость в появлении подходов, устанавливающих контроль за самим постижением научной истины. В иерархии ценностей, к которым несомненно относится научная истина, равноценно с ней в современной науке выступают такие ценности, как благо человека и человечества в их единстве и взаимодействии, добро и мораль, и поиск научной истины "освещается" аксиологическими императивом: не увеличит ли новое знание риск существования и выживания человека, будет ли оно служить благу человечества, его интересам.

Биоэтика в контексте междисциплинарных стратегий

Некорректность элиминации аксиологических, нравственных и гуманистических ценностей из системы научного знания особенно остро обнаружилась в области биомедицинских исследований. Этому критическому периоду предшествовало переосмысление парадигмы ценностной нейтральности научного знания, технократического мышления, характерного для классической науки и технико-инженерной модели взаимоотношения врача и пациента, в рамках которой человек рассматривался как объект экспериментирования и манипулирования (Р. Витч). Активность субъекта, его свободная воля, уникальность, специфические особенности не учитывались в данной модели взаимоотношения врача и пациента. Становление такой новой междисциплинарной области исследования, как биоэтика, способствовало актуализации более адекватной модели взаимоотношения врача и пациента, основанной на демократических ценностях – солидарность, сострадание, соучастие, диалого-коммуникативистские интересы (Б. Дженнингс).

Новая модель взаимоотношения врача-пациента, последующие мощные общественные движения за права человека на получение информации о диагнозе и прогнозе собственного состояния, принятие решения в выборе методов лечения и т.п. дали толчок разработке и систематизации в 70-х годах XX века основных принципов биоэтики, в число которых были включены не только принципы «не навреди», «делай добро», но и принципы свободы, справедливости, долга и блага, гуманизма.

Становлению биоэтики как академической дисциплины и социального института предшествовали аксиологические и этические повороты, формирующиеся в лоне современной науки, междисциплинарных исследований, моральных проблем биомедицины, связанные с необходимостью защиты достоинства и прав пациента.² Тридцатилетний период существования биоэтики как междисциплинарного направления и социального института, объединяющего биологическое знание и человеческие ценности, представляющего собой «систематическое исследование человеческого поведения в области наук о жизни и здравоохранения в той мере, в какой это поведение рассматривается в свете моральных ценностей и принципов»³, был связан с динамикой биоэтической проблематики от эмпирического описания врачебной морали к *философской рефлексии нравственности в сфере биомедицинских исследований*. Уже начиная со второй половины 80-х годов в биоэтике наряду с развитием биомедицинских технологий формируется достаточно мощный пласт философских знаний, трансформирующих концептуальные основания традиционной модели биоэтики западного типа. В новом ракурсе актуализируются типичные для биоэтики проблемы прав и свобод личности, формируется расширенная трактовка концепции свободы, включающая признание *автономии личности* (personal autonomy). В рамках современной интерпретации автономии личности она рассматривается как базовая этическая ценность, проявляющаяся в свободном выборе пациентом либо медицински возможного, либо медицински гуманного. Более глубинная этика диалога в сочетании с принципом информированного согласия заменяет преобладающую в традиционной модели биоэтики этику патернализма. Абсолютизации приоритетов как со стороны врача или биолога – экспериментатора, так и со стороны пациента или экспериментируемого, современная модель биоэтики предпочитает согласованность в обосновании прав и обязанностей сторон, активное привлечение пациентов к принятию решений в выборе методов лечения, особенно в случаях риска здоровью и жизни человека.

² Биоэтика. Вопросы и ответы / Сост. и отв. ред. Юдин Б.Г., Тищенко П.Д. – М., 2000.– С. 45.

³ Encyclopedia of Bioethics. Vol. I: Basic Writing on the Key Ethical Questions That Surround the Major Modern Biological Possibilities and Problems / Ed. by W. Th. Reich. – N.-Y. – L., 1995. – P. 102.

Философской рефлексии по мере углубления наших знаний о живой материи подвергается и категория свободы в направлении от *свободы потребительской* («свободы от») к *свободе созидательной* («свободе для»). «Свобода от» интерпретируется при этом как способность современного человека преодолевать природные формы зависимости от внешнего мира и удовлетворять свои растущие потребности (увеличение активного периода жизни, вплоть до поддержания жизни в вегетативном состоянии, освобождение от ранее неизлечимых болезней, свободоизъявление в изменении внешности, пола, в личном выборе иметь или не иметь детей, даже без присутствия мужчины и т.д.). Современный уровень биомедицинских исследований позволяет человеку достичь определенного уровня «свободы от», но отделяясь от природного естества и возвышаясь над миром, человек порою попадает во все большую зависимость от современных технических средств и только в органической целостности человека и космоса, в творении самого себя, нравственном самосовершенствовании человек приближается к свободе созидательной («свободе для себя»). Ценностный статус свободы в процессе углубления наших знаний о живой материи, в биомедицинских исследованиях, имеющих дело с уникальными единичными объектами (человеческий геном, социо-природные системы) предполагает необходимость самоограничений со стороны исследователей, формирование концепции *коллективной ответственности за результаты* научного поиска и *единства человечества*. Из плоскости индивидуальной понятие ответственности трансформируется в ранг коллективной ответственности за ущерб, наносимый человеку и природе.

В рамках биоэтического дискурса, где мораль традиционно проявляется в ее высшем смысле, ибо затрагивает отношения между личностями (врач - пациент, исследователь – экспериментируемый) в экзистенциально-пограничных ситуациях на грани жизни-смерти, здоровья-болезни, осуществляется философское *переосмысление категорий справедливости, долга, принципа гуманизма*. Становится ясно, что гуманистическая парадигма в биоэтике может быть реализованной не только при соблюдении нравственных принципов, но и при строгом следовании правовым нормам. Концепция справедливости предполагает социальный компонент и в соответствии с этим равный доступ к общественным благам, получению биомедицинских услуг, доступности фармакологических средств, необходимых для поддержания здоровья общественных средств.

Традиционные для биоэтики категории *долга и блага*, выступающие в гиппократовской формуле «не вреди», т.е. применяй в медицине те средства, которые не причинят вреда пациенту, в современной биоэтике расширены до «не только не вреди, но и сотвори благодеяние», хотя сама трактовка понятия благодеяния не является однозначной, в особенности при обсуждении вопросов о поддержании жизни в вегетативном состоянии, клонировании живых существ и даже человека и т.д.

Таким образом, *современная парадигма биоэтики характеризуется радикальным поворотом от способов эмпирического описания врачебной морали к обостренной философской рефлексии над основаниями нравственности в биомедицинских исследованиях, своих собственных положений о моральных ценностях, расширению проблемного поля биоэтики с включением в нее не только нравственных, философских, но и правовых компонентов, объединению различных видов системы ценностей: биологические (физическое существование, здоровье, свобода от боли и т.д.), социальные (равные возможности, получение всех видов медицинских услуг и т.п.), экологические ценности (осознание самоценности природы, ее уникальности, коэволюции), личностные (безопасность, самоуважение и т.п.).*

В *западной модели биоэтики* она предстает как институционально организованная социальная технология с системой стандартизированных либеральных ценностей, обеспечивающих соблюдение личных прав и свобод человека в биомедицинской сфере. Защита прав граждан от негативных последствий применения современных биомедицинских технологий, что является целью биоэтики, осуществляется здесь посредством разработанных этических кодексов, законов, повышения сферы ответственности профессионалов-медиков и биологов, расширение их социальных обязанностей, закрепленных не только на личном, нравственном, но и на правовом уровне. Этические механизмы контроля за действиями врачей и ученых дополняются развитой системой правового регулирования, формированием специальных биоэтических комитетов, становлением биоэтического образования⁴.

На постсоветском пространстве, в том числе и в Республике Беларусь, сложилась иная («отечественная») модель биоэтики, в которой

⁴ Encyclopedia of Association /Ed. Katherine Gruberg. –Detroit: Gale Research Co., 1986.– 905 p.; Leavitt F.J. An Israeli approach to cross-cultural Ethics: corrections and elucidation // Eubios Ethics Inst. Newsletter. – 1993. – Vol.3. – P. 3-7; Vermeersch E. Environment, Ethics, and Cultures // Brussels C.E.J.: Biosphere and Economy. – 1995. – № 7. – P.1-40.

биоэтика рассматривается как междисциплинарная, биологически ориентированная современная отрасль знания, анализирующая нравственные проблемы человеческого бытия, отношение человека к жизни и к конкретным живым организмам. Разработка в основном нравственных норм и принципов, регламентирующих практические действия людей в процессе исследования природы и человека, моральные критерии социальной деятельности по преобразованию окружающей среды, оценка роли и места человека в рамках биологической реальности, теоретических оснований концепции коэволюции общества и природы, статуса категорий жизни и смерти – таков диапазон отечественной модели биоэтики, основанной на достаточно расширительной трактовке ее проблемного поля и предмета⁵. Очевидно, для развития биоэтики в том виде, как она принята на Западе с развитой системой правового регулирования, у нас в настоящее время создаются объективные и субъективные условия, формируются нравственные и правовые основы регулирования биомедицинских исследований, осуществляется поиск адекватных моделей биоэтического образования и просвещения.

Нравственные и правовые аспекты биомедицинского знания в Республике Беларусь

Одним из приоритетных направлений биоэтики является анализ этических норм охраны здоровья человека с учетом его социальной сущности и основных принципов организации и функционирования человека как биоэтической системы. Здоровье человека выступает основным показателем сложного коэволюционного развития природно-человеческих систем. В этом плане можно говорить о совпадении целей биоэтики и экологической этики в контексте обеспечения экологической безопасности и здоровья населения в условиях загрязнения внешней среды и измененного равновесия системы «Человек – Природа».

В современной Республике Беларусь в силу кризисного уровня баланса в системе «Природа-Общество» статус биоэтических параметров

⁵ Биоэтика: принципы, правила, проблемы: Сб. ст. / Рос. акад. наук., Рос. нац. комитет по биоэтике, Институт человека; Отв. ред. и сост. Б.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С.352-354.

имеет особое значение. Данные биомедицинских исследований свидетельствуют о прямой и явной угрозе здоровью населения и сохранению генофонда, в силу комплексного радиационно-химического загрязнения территории Беларуси. Особо негативную роль в этом процессе сыграла Чернобыльская катастрофа (апрель 1986 года), как величайшая техногенная трагедия в истории человечества, которая именно Республике Беларусь принесла наибольший урон и показала, что подобные катастрофы не имеют границ и что мир находится в теснейшей экологической взаимосвязи, напоминая со всей актуальностью идеи В. Вернадского не только о планетарной, но и Вселенской целостности.

Биомедицинский и экологический контроль за сохранением здоровья людей, проживающих на загрязненных территориях Беларуси, свидетельствует об угрожающей динамике заболеваемости взрослых и особенно детей, комплексном загрязнении окружающей среды не только радионуклидами, но и химическими веществами, сопровождаемым длительным посткатастрофным эмоционально-психологическим стрессом людей, массовым ощущением тревоги, возникающим и длительно сохраняющимся у людей не только на загрязненных территориях, но и во всей республике. Лишь 18% детей, выросших за последние шестнадцать лет посткатастрофного Чернобыльского существования, отвечают нормальным медицинским показаниям. При этом наибольшее распространение имеют заболевания щитовидной железы (тиреоидный рак), дыхательных путей, желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой системы. К огромному сожалению, клинические наблюдения свидетельствуют о том, что детский тиреоидный рак обладает более выраженными агрессивными свойствами, чем у взрослых, а дети, перенесшие удаление железы, в большинстве случаев отстают в умственном и физическом развитии от своих сверстников. На этом фоне увеличивается рост заболеваний ОРЗ и гриппа в детских дошкольных учреждениях, снижается индекс здоровья у детей дошкольного возраста.

Недостаточность медицинского оборудования для оздоровления, неполный комплект необходимого физкультурного и оздоровительно-спортивного оборудования приводят к феномену длительно болеющих

детей⁶. Первостепенными в этих целях должны стать комплексные профилактические и оздоровительные мероприятия в детских дошкольных и поликлинических учреждениях, биомедицинское вмешательство с целью исследования лиц, проживающих на экологически неблагоприятных ситуациях, допускаемого с добровольно информированного согласия взрослого человека, либо с разрешения родителей (опекунов), если исследуются дети до 16 лет. Проведение предполагаемого биомедицинского научного исследования с вмешательством в психофизическое состояние людей (забор крови, УЗИ-диагностика и т.д.) должно иметь научно-практическую обоснованность и оценку потенциального риска и пользы. Лицам, подвергшимся биомедицинским исследованиям, должна быть гарантирована конфиденциальность полученной информации. Современные же междисциплинарные исследования по окружающей среде должны включать в себя специалистов из самых различных областей науки – биологии, медицины, экологии, социологии, демографии, этики, философии.

Биоэтика в этом плане может внести существенный вклад в оценку состояния окружающей среды, динамики и профилактики здоровья населения. Постоянно организованный биомедицинский и экологический контроль за состоянием здоровья людей, проживающих на загрязненных территориях Республики Беларусь и отселение после аварии в «чистые» районы, несомненно дают свои результаты.

Республика Беларусь руководствуется нормами международного права в области здравоохранения. Основные принципы биомедицинской этики, рекомендованные *Всемирной ассамблеей здравоохранения*, закреплены в новых законах Республики Беларусь «*О здравоохранении*» (1993, с изменениями и дополнениями 1998-2000 годов)⁷, Закон «*О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании*» 1999г.⁸ и разработанной в 1995 году новой *Концепции развития*

⁶ Основные показатели здоровья населения, деятельности санитарно-эпидемиологической службы и состояния окружающей среды / Сб. Министерства здравоохранения РБ, Республиканский центр гигиены и эпидемиологии; Под ред. Л.А. Савченко – Мн.: ПКООО «ПолиБиг», 1999.

⁷ Закон Республики Беларусь «О здравоохранении» // Ведомости Верховного Совета РБ.–1993, № 24.– Ст.290.

⁸ Закон Республики Беларусь «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»//Ведомости Национального Собрания РБ. – 1999, № 25.– Ст.421.

здравоохранения в Республике Беларусь⁹. Правительство страны разработало и одобрило *Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года*¹⁰, которая на сегодняшний день является хорошей базой для принятия правовых актов, а также общегосударственных, отраслевых программ, где определяются конкретные мероприятия и ресурсы для обеспечения устойчивого развития Беларуси, этико-правового обеспечения использования биологического разнообразия (данное понятие включает в себя все виды растений, животных и микроорганизмов, а также экосистемы).

Анализируя закон «*О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании*», следует отметить, что данный закон провозглашает основы государственного регулирования оказания психиатрической помощи, гарантии и права граждан, основополагающие принципы оказания психиатрической помощи (принцип добровольности, информированности, согласие на лечение и возможность отказа от него, а также обеспечение ею «в наименее ограничительной форме»). Принудительное содержание и лечение человека в стационаре возможно только по решению суда, которое, в случае несогласия, может быть обжаловано пациентом, его представителем, либо правозащитной организацией. Этико-правовые нормативы психиатрической помощи дополняются такими понятиями, как моральная автономия душевнобольного на всем пространстве его взаимодействия с психиатрическими службами, разумность и благоразумие и т.д.

Наряду с обеспечением правового статуса биоэтики ее социально-этические основания разрабатываются и через взаимодействие с христианской моралью. В России, при Московской патриархии уже действует, а в Беларуси при Минской патриархии планируется создание церковно-общественного совета по медицинской этике¹¹. В ряде биоэ-

⁹ Развитие здравоохранения в Республике Беларусь. – Б.м., 1995.

¹⁰ Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. – Мн., 2004. – С. 76-79; 107-138.

¹¹ Основы социальной концепции русской православной церкви / Приняты Освященным Архиерейским Собором 2000г русской православной церкви. – Мн.: Минская епархия Белорусского экзархата, 2000. – 19 с.

тических вопросов христианская церковь занимает весьма жесткую позицию: клонирование человека и его органов (особенно сердца), эвтаназии, искусственного зачатия и прерывания беременности, которое рассматривается как посягательство на жизнь будущей человеческой личности. В то же время, допустимым и полезным считается клонирование изолированных клеток и тканей живых организмов, генотерапия, трансплантация отдельных органов, исследование и применение ряда современных молекулярно-генетических методов лечения. Женщина, вынужденная при прямой угрозе ее физическому и душевному здоровью прервать беременность, не отлучается от общения с церковью, но обязана исполнять личные покаянные молитвенные правила, определяемые священником после исповеди. При Минской Епархии Белорусского Экзархата накоплен достаточный опыт по распространению идей биоэтики православным братством врачей, а при Всехсвятском приходе в г. Минске организован дом милосердия. Духовная и медико-психологическая поддержка безнадежно больным детям оказывается в Белорусском детском хосписе при онкологическом центре в Боровлянах. Таким образом, биоэтика как социокультурный феномен в значительной степени детерминирует в нашем обществе сотрудничество и взаимообогащение правового и нравственного сознания, задавая ориентиры биомедицинской практики и принятия управленческих решений, обеспечивая нравственный климат в научном сообществе, медицинских коллективах, адекватный моральный выбор специалистов медиков, биологов, биотехнологов, их вмешательства в сферу живого, социальной и правовой ответственности перед обществом за результаты научно-практической деятельности.

Если взаимовлияние нравственного и научного дискурса в науке в целом, и в биоэтике, в частности, является для «отечественной» модели биоэтики весьма органичной, т.к. ее центральной проблематикой как раз является в большей степени разработка нравственных норм и принципов, регламентирующих человеческое поведение в науках о жизни, человеке, живой природе (биосе), то оформление правового статуса биоэтики находится пока еще в стадии становления. И хотя в начале XX в. А. Пуанкаре говорил о том, что любое правовое вмешательство в вопросы научного исследования будет неуместно и нелепо, к концу XX в.

многие ученые уже призывали к научному трибуналу для урегулирования спорных научных вопросов, предлагали создать свод законов для научных исследований¹². Биоэтическое знание успешно выполняет различные функции в процессе своего функционирования в том числе мировоззренческую, гносеологическую, методологическую, аксиологическую, способствуя разработке системы ценностей, целей и идеалов в оценке состояния жизни и перспектив ее развития, нравственно-правовых норм осуществления поисков а биомедицинских исследованиях и технологиях, современных тенденций функционирования научного знания о живых системах, диалога и взаимообогащения естественнонаучного и гуманитарного дискурса, междисциплинарного синтеза и мировоззренческо-нравственного оздоровления общества.

Современная модель биоэтики и разработка программ биомедицинских исследований в республике адаптирована к научным, социокультурным и духовно-мировоззренческим традициям, ее системе здравоохранения и требует своего дальнейшего развития.

Национальный комитет по биоэтике в Республике Беларусь: механизмы создания, функции и задачи

Комитеты по биоэтике являются в современных условиях важнейшей структурой для соблюдения различных нормативных актов, принятых ЮНЕСКО как ведущей международной организацией в области биоэтики. ЮНЕСКО помогает государствам–членам создавать и развивать такие инфраструктуры биоэтики, как руководства, правила, программы преподавания этики, законодательство и комитеты по биоэтике. Именно благодаря содействию Комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО была проведена и проводится работа по созданию и организации деятельности комитета по биоэтике в нашей стране.

Национальный комитет по биоэтике призван способствовать и всемерно содействовать укреплению доверия, консолидации и партнерских отношений между врачами (и всеми медицинскими работни-

¹² Jennings B. Bioethics and Democracy// Centennial Rev.–1990. – Vol. XXX IV, № 2. – P.207-225.

ками) и пациентами, добиваться согласия путем объективного и принципиального обсуждения сложных в морально-правовом отношении ситуаций. Национальный комитет по биоэтике рассматривает все вопросы, связанные с соблюдением общих принципов гуманизма, нравственности и биомедицинской этики. Методологическими основаниями деятельности национальных комитетов выступают теоретические ориентиры – биомедицинская этика и международные документы по общественному контролю над соблюдением прав человека в соответствии с Хельсинкской декларацией и Международной хартией прав человека.

Комитеты по биоэтике (БЭК) – это структурные подразделения, обеспечивающие, прежде всего, регуляцию проведения независимой этической экспертизы, обязательной для всех биомедицинских исследований. Впервые они возникли в 50-х гг. XX в. в США с целью проведения официальной экспертизы исследований, финансируемых из федерального бюджета. В настоящее время, например, в США БЭК имеют *статус государственных*, а обязательной этической экспертизе подлежат не только биомедицинские, но и психологические, антропологические и др. исследования, если они проводятся на человеке или животных. В Европе БЭК чаще функционируют на *общественно-профессиональной* основе. С 1967 г. они создаются при больницах и исследовательских учреждениях Великобритании, Германии, Франции. Одна из целей и функций БЭК – контроль над соблюдением основных принципов биомедицинской этики при лечении и биомедицинских исследованиях, по мере расширения которых этическое сопровождение, осуществляемое БЭК, становится во всем мире нормой. Сегодня каждый исследовательский проект должен получить одобрение независимого БЭК.

За последние годы создана глобальная сеть БЭК, их количество в мире ежегодно увеличивается в десятки раз. Они действуют на основе международных нормативных документов, в числе которых *Нюрнбергский кодекс (1947)*, *Хельсинкская декларация (1964)*, *Конвенция Совета Европы «О правах человека в биомедицине» (1996)* и др. Создан *Межведомственный комитет по биоэтике в ООН* при ЮНЕСКО.

При создании Национального комитета по биоэтике, прежде всего, были определены его статус и структура, правовые основания, функции и возможности, а также поле деятельности по сравнению с локальными биотическими комитетами в Республике Беларусь, чтобы пространственно-функциональная определенность субъектов этического регулирования была стабильной и действенной. Было изучено состояние дел, касающихся международных экспертных структур по проблемам биоэтики, опыт работы в этом направлении других стран.

Фактически в Республике Беларусь сегодня имеются в наличии разные виды комитетов по биоэтике (этические комитеты, комиссии по этике, ассоциации и т.п., функционирующие на разных уровнях).

Каждый из четырех видов комитетов (комиссий, ассоциаций, центров и т.д.) имеет свои цели, функции, осуществляет определенные специфические мероприятия и вместе с тем, несомненно, обнаруживает точки соприкосновения в решении биоэтических дилемм, возникающих в различных областях исследований и здравоохранении. Учитывая цели, задачи и функции Национального комитета по биоэтике РБ, можно заключить, что он должен играть роль объединяющего, координирующего и консультативного органа по общественному контролю над соблюдением прав человека в области биомедицинских исследований и по отношению к деятельности локальных комитетов, разрабатывая обоснованную политику проведения научных исследований в области здравоохранения, организовывая форумы для обсуждения на национальном уровне спектра проблем биоэтики и оказывая влияние на разработку законодательной политики, образования и общественности в области биоэтики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биоэтика. Вопросы и ответы / Сост. и отв. ред. Юдин Б.Г., Тищенко П.Д. – М., 2000.
2. Биоэтика: принципы, правила, проблемы: Сб. ст. / Рос. акад. наук, Рос. нац. комитет по биоэтике, Институт человека; Отв.ред. и сост. Б.Г. Юдин. – М., Эдиториал УРСС, 1998. – С.352-354.
3. Закон Республики Беларусь «О здравоохранении» // Ведомости Верховного Совета РБ.-1993.– №24.– Ст.290

4. Закон Республики Беларусь «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости Национального Собрания РБ. - 1999. – №25. – Ст.421.

5. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. – Мн., 2004.

6. Основные показатели здоровья населения, деятельности санитарно-эпидемиологической службы и состояния окружающей среды // Сб. Министерства здравоохранения РБ, Республиканский центр гигиены и эпидемиологии; Под ред. Л.А. Савченко – Мн.: ПКООО «ПолиБиг», 1999.

7. Основы социальной концепции русской православной церкви /Приняты Освященным Архиерейским Собором 2000г русской православной церкви.– Мн.: Минская епархия Белорусского экзархата, 2000.– 19с.

8. Развитие здравоохранения в Республике Беларусь. – Б.м. 1995.

9. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: «Прогресс-Традиция», 2000.

10. Encyclopedia of Bioethics. Vol. I: Basic Writing on the Key Ethical Questions That Surround the Major Modern Biological Possibilities and Problems / Ed. by W. Th. Reich. – N.-Y. – L., 1995.

11. Encyclopedia of Association / Ed. Katherine Gruberg. –Detroit: Gale Research Co., 1986. – 905 p.

12. Leavitt F.J. An Israeli approach to cross-cultural Ethics: corrections and elucidation // Eubios Ethics Inst. Newsletter. – 1993. – Vol.3. – P. 3-7.

13. Jennings B. Bioethics and Democracy// Centennial Rev.–1990.–Vol. XXX IV, №2. – P. 207-225.

14. Vermeersch E. Environment, Ethics, and Cultures // Brussels C.E.J.: Biosphere and Economy. – 1995. – N7. – P.1-40.

АВТОРСКАЯ СПРАВКА

Ильин Виктор Васильевич

доктор философских наук, профессор кафедры философии ИППК МГУ им. М. В. Ломоносова, член Российского философского общества (РФО).

Мануйлов Виктор Тихонович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Курского государственного университета (КГУ), член Российского философского общества (РФО).

E-mail: manvict@yandex.ru

Мороз Виктория Васильевна

доктор философских наук, доцент кафедры философии Курского государственного университета (КГУ), член Российского философского общества (РФО).

E-mail: vicmoroz@mail.ru

Старжинский Валерий Павлович

доктор философских наук, профессор кафедры философских учений Белорусского национального технического университета.

E-mail: erovenko@bsu.by

Спектор Анна Артуровна

младший научный сотрудник Республиканского научно-практического центра «Мать и дитя».

E-mail: erovenko@bsu.by

Яскевич Ядвига Станиславовна

доктор философских наук, профессор, директор института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, член Российского философского общества (РФО).

E-mail: yaskev@nihe.unibel.by

ABSTRACTS

V.V. Ilyin

(Moscow)

**Democracy or a Dictatorship: Is It Old or New Beginning?
(About the Constructivity of Social Choose in Russia)**

On the base of analysis of different conceptions of social choose offering by the thinkers in critical periods of the history of Russia the problem of the working-out of the constructive strategy of stable development of modern Russian society is set.

V.P. Starzhinskiy, A.A. Spector

(Minsk)

The Constructive Methodology as the Reflexive System

In the article the problems of modern methodology on the base of constructive paradigm supposing the process of cognition as of the modes of assimilating and changing of the world are considered. The cognitive and constructive methodology is distinguished. The methodology is understood as a system with a reflexion. The subject of the reflexion is the men's activity in the context of philosophical and scientific support. The methodological reflexion is realized above the bases of the science forming them and at the same time leaning up on them. The reflexion above different components of methodology unites them into a single system and assists the further forming of structure and the development of its functions.

Manuylov V. T.

(Kursk)

**The Constructivity of Mathematical and Philosophical Knowledge in
Analytic and Constructive "Wissenschaftstheorie"**

The interrelation of analytic and constructive traditions in the philosophy of science is considered on the example of German "Wissenschaftstheorie". The role of a dialogue in the development of scientific and philosophical knowledge is shown up, all kinds of dialogues in different fields of scientific and philosophical knowledge are set.

V.V. Moroz

(Kursk)

The Constructive Tendencies in the History of Philosophy: Philosophic-Mathematical Synthesis in Nicolaus Cusanus's Study

The article is devoted to the reconstruction of philosophic-mathematical synthesis in Nicolaus Cusanus's study realizing in the introduction in the reasoning of philosophical character of supplementary mathematical plan parallel to the metaphysical one and playing a role of explanatory, "visual" mode for this reasoning. The mathematical constructions used under that serve as specific mode permitting "to catch on" in the contemplation the subject of reasoning which is non contemplative principally (for example, the endless world) in mathematical form's view. The author makes a conclusion that the variant of Nicolaus Cusanus's philosophic-mathematical synthesis presents itself a mode of reasoning in which elements of mathematical knowledge take part in the revealing of questions of philosophical character there by assisting to understand these questions and learn them creatively.

Ya.S. Vaskevitch

(Minsk)

**The Constructivism of Interdisciplinary Strategy
in Modern Science: Bioethics and National Ethical Committees**

In the article status and dynamic of bioethics are considered as the interdisciplinary direction, academic discipline and social institute, the specificity of "western" and "native" model of bioethics is discovered, the ethical and rightful mechanisms of the formation of bioethics and National Committee on bioethics in the Republic of Byelorussia are shown.

Для заметок

ПРОБЛЕМА КОНСТРУКТИВНОСТИ НАУЧНОГО И ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

Редактор Н. Д. Соби́на

Компьютерная верстка А. В. Кузнецов, В.Т. Мануйлов, В. В. Мороз

Лицензия ИД № 06248 от 12.11.2001 г.

Подписано в печать 10.12.2006 г.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 7,6 усл. печ. л.

Тираж 500 экз. Заказ № 355

**Издательство Курского государственного университета
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33**

Отпечатано ПБОЮЛ Киселева О.В.
ОГРН 304463202600213